

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты 1—3

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

tasqul — скалистая, высокая гора, голец, горы, покрытые снегом [Вербицкий, Словарь, 338: гора (островерхая), сопка].
түс — букв. прямой, ровный.

Текст 4

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирги)

Тексты 5—6

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 7

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Текст 8

(Записан от молодого шорского поэта Ф. С. Чисникова; улус Кузедеево)

Текст 9

(Род Шор, р. Шалым, верховье р. Кондомы)

Стр. 8. qartyqa pergen — имя богатыря; qartyqa — ястреб, pergen || mergen — искусный стрелок. См. Катанов, Алф. указ., стр. 17, 22, 53, 54.
puryu || puru. Ср. ниже: poltur || poltur, čonnu || čonnu, šug-dun || šug-dun quštun || quštun, pony || ponu, qolun || qolun, tüšti || tüšti.
Для кондомского диалекта характерна ослабленная губная гармония гласных, для мрасского же (низовье р. Мрассу), положенного в основу литературного языка, — более устойчивая (в отношении узких гласных). См., напр., героические поэмы «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» и «Ак Кан».

albattyg (чаще albatqy) — платящий дань, подданный, от alban — дань. Забыв настоящее значение этого термина, некоторые сказители пытаются увязать его с abaŋatqy — репейник и толкуют следующим образом: как репейник зацепляет все кругом и притягивает к себе, так и народ, который в поэме называется albatqy (от abaŋatqy), группируется вокруг хана и его дворца. Об албане, который платили шорцы, см., напр., Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири, стр. 88—90, 96; Риттер, Дополнения, стр. 486; Вербицкий, Зап. за 1865 г., стр. 74 и др.

čonnu ražun pilgen — букв. знающий головы своего народа, т. е. управляющий народом. Глагол bil в значении управлять, править встречается уже в орхонских надписях и уйгурских текстах. См. С. Е. Малов, Словарь уйгурского языка, стр. 268.

roju ~ roju соответствует рози в диалекте шорцев р. Мрассу. См. ниже: kij в. kes, qojan в. qozan и т. д.; (z || j, s || j).

öre turğan qudaj — вверху стоящий, вверху живущий, эпитет небесного духа. Ср. Катанов, Алф. указ., стр. 42, эпитеты üstügü čatqan, čoŋar turğan. qajdur и qajdı. Ср. мрасское qajde.

perbēñir ~ perbēñer. Ср. нижне-мрасское perbēñä и верхне-мрасское perbēñar и perbēñe.

kütken maŋ имеет также значение: нажитый, приобретенный скот. mingen, мрасск. mingen.

aguyun, мрасск. majuyun.

aŋdy, мрасск. aŋdy (винит. над.) См. дальше: qandy || qanny, adymdy ||

adymny (nd || nŋ, nd || nŋ, md || mŋ).

üj, мрасск. em, верхне-мрасск. öm.

Стр. 10. četre || čet-tir-e.

pedre, мрасск. tile, tum.-čiq || tunčiq.

peri, мрасск. pere. См. ниже: agy || ara, tašqary || tašqara, kederi || kedere;

(i || e). qaŋa mōkō — букв. черный герой, силач, боец, имя богатыря.

üš toŋuzon tegri — три по девяносто небес.

Представление о множественности небес или небесных слоев заимствовано, вероятно, из шаманской космогонии.

Стр. 12. adymdy adap per (md || mŋ) — имя мое, назвав, дай.

Необходимость дать богатырю во всеуслышание определенное имя перед тем, как он приступит к совершению своих богатырских подвигов, связана с представлением о роли и значении имени в первобытном обществе.

ene, мрасск. iče.

ič || iš (č || š).

aŋuqqaŋ — букв. то слышавший.

Стр. 14. aj quŋyš — букв. месяц меч, имя богатыря.

Стр. 16. čuyŋan || čuyŋan. Ср. ниже: šügöl || šüöl.

Стр. 18. aqqaŋ taŋaju aq aŋan-ma uŋuŋan poltur — образ обилия молока, характерен для развитого скотоводства.

kün-čiler, aj-cūlar, mрасск. aj-čiler.

Стр. 22. soġ merikten čajaġan — чудесное рождение богатыря; altyn merik — букв. золотая ступня (ладонь), имя богатыря (Вербицкий, Словарь, 202: merik — раковина под копытом).

Стр. 24. tükürbüstü, altyn som čajaġdy — любопытное анимистическое представление: из слюны богатыря создается его образ (изображение), его двойник.

Как в этой записи, так и в ниже помещенных записях героических поэм не отмечено озвончение согласных при сочетании нескольких слов типа ežig-ažur (ežik ažur), tereg-ağazı (terek ağazı), tuḡ-aġan (tuḡ aġan), purun burun boġtur (purun purun boġtur), qara-quş (qara-quş). İgi-bilegi (İgi pilegi), tajğa-ženi (tajğa-šeni).

Текст 10

(Род Таяш, р. Кондома, ул. Осинники)

Стр. 24. «qamuş-ra suğ pölgen temde» — сказители часто переводят эту строку следующим образом: «В то время, когда камышом вода разделялась» (qamuş — камыш, тростник). Но по аналогии с предыдущей строкой: «qalaq-ra tağ pölgen — когда мешалкой гора делилась» можно думать, что более правильным будет следующий перевод: «В то время, когда ковшом делилась вода».

В пользу нашего предположения говорят и зачины других записанных нами героических поэм, где на месте старого слова qamuş стоит susqu (susquş), современное название для ковша:

amduynun alynda,
purunynun sonda,
susqu-ba suğ pöler tušta,
qalaq-ra tağ pöler tušta,
čer čaryġyp öleñ özer temde,
ağaş čaryġyp pür şygar tušta,
toptaj kelip tağ özer temde,
toġaj kelip suğ aġar tušta,
aġty qyġyğ aq sar'attyğ,
aġty čaştañ ertpes,
altyn ergek poġan poġtyr,
qujyġ parar tyny čoq,
qyzar aġar qany čoq,
aġty čaştañ ertpes,
altyn ergek poġan poġtyr.

Настоящего раньше,
Прежнего позже,

В то время, как ковшом делилась вода,
В то время, как лопаткой делилась гора,
В то время, как раскалывалась земля и появлялась трава,
В то время, как расщеплялись деревья и показывались листья,
В то время, когда, нагромождаясь, вырастали горы,
В то время, когда, разливаясь, текли воды,
Имеющий бело-рыжего коня с шестью волосками,
Еще шести лет не проживший,
Алтын-Ергек жил-был.
У Алтын-Ергека нет души, которая могла бы быть обрезана,
Нет крови, которая могла бы краснее течь,
Шести лет не миновавший,
Алтын-Ергек жил-был.

qazan qamuş и qazan qabuş — вся посуда (ложки, чашки, казан и т. д.). См. Вербицкий, Словарь, 114.

aq taġaj aqqa — белое море текло. «Текучее» — обычный эпитет моря в героических поэмах. Море течет и, как река, имеет вершину и устье.

Стр. 26. aġty azaqtyğ — имеющий шесть ног.

azugān abazyn pilbedi, tuḡur emisken enezin pilbedi — герой не знает ни отца, ни матери. Этим, повидимому, подчеркивается неестественное, чудесное рождение богатыря.

užur kelgen — прилетев пришла. Героини эпоса часто имеют одежду с крыльями, напр. платье у Alten Arga — с орлиными крыльями. Надев крылатое платье, она вылетает из юрты и, своими крыльями рассекая воздух, поднимает сильный вихрь, ломающий деревья в лесу и срывающий крыши домов (койбалы); у младшей дочери богатыря Kattai qan'a одежда с лебедиными крыльями (Катанов, Алф. указ. ко второму тому, стр. 17, 46, 82).

čağa paşqa tartynarğa
čapsyq martqa tabar kerek;
qoġtuq töške tartynarğa
qōs martqa tabar kerek —

такими словами иносказательно выражается намерение богатыря отправиться искать себе невесту.

Стр. 28. aq qān — букв. белый хан, имя богатыря.

aġa šara — пестрая чаша. Пестрая чаша встречается также часто и в монгольском эпосе (Владимирцов. Монголо-ойратский эпос, стр. 14).

aġran — питье из кислого молока.

raqtañ aġcy... ср. «таq aġcy soqtuñ-ма — далеко ли росу (ногами) сбивал», и «таq aġran soqtuñ-ма — далеко ли айран сбивал». Все эти выражения имеют значение вопроса 'откуда богатырь приехал', издали ли едет и далеко ли направляется?

kijik ~ kijk ~ kiik — козуля (*Capreolus pygargus* Pall.), наиболее распространенный в горной Шории представитель семейства оленей. Приемы охоты на козулю были различны: охотились на солонцах, гоном, путем подманивания при помощи особой берестяной свистульки 'ediski' (весной), загородами. Коллективно устраивали загороди на правом берегу р. Мрассу на местах перехода козуль, когда они осенью перекочевывают в менее снежные районы верхнего Абакана. В проходах перегородок, поставленных перпендикулярно к загородам, ставили петли, в которых и застревали бегущие козули, спасающиеся от пуль охотников. Загороди (без петель) устраивались меньшими коллективами охотников и даже одиночками. Шорцы, в частности сказители, переводят kijik — дикая коза.

qyzył kijik tuštaza,
kečige qyzur adarğa;
qys pałazy tuštaza
söske qyzur ałarğa —

обычное выражение, указывающее, что герой приехал сватать девуцу.

Стр. 30. torsuq — мех для жидкости, сшитый из кожи, снятой с ног животного.

qarbałašša ~ qarbałašsa (šš || šs).

ijgi pašty pirge qožur — имеет значение: поженили.

ałur qolunğa roju kirdi — сам в руки богатыря вошел; с богатырем сражаться стал.

ačyŋu kelip || ačyju.

Стр. 32. ałtyn čüstük edip — превратив, сделав золотым перстнем. В эпосе герой обычно увозит невесту, превратив ее в какой-либо мелкий предмет, серьгу, перстень, пуговицу и т. п.

qaңna (qaңaj) — лыжи, не подшитые шкурой, на таких лыжах ходят по насту, чтобы не содрать мех.

čekse ~ jekse — иметь позыв на необыкновенную пищу (Верб., Слов., 87).

qačyğlyğ ton kijgenneri
qaңna-ba čyŋyldy;
torŋu ton kijgenneri
tör at-pa čyŋyldy —

яркое выражение имущественного неравенства и назревших классовых противоречий в развитом скотоводческом обществе.

tösqa sałıany — положенное на бересту вареное мясо. Во время свадьбы, так же как и во время жертвоприношения, свареное мясо вынималось из котла и складывалось на полосы бересты.

qazanğa sałıany qaŋylyr, ср. qazan qaŋylyr jadur (аб.) — котел опро-
стали (все съели).

Стр. 34. qyzył pağar tynpaŋu čoq — чтобы отрезать, душ у них нет.

Представление о том, что при смерти душа человека обрывается, рвется, отмечено у всех алтайских тюрков (см. Анохин. Материалы стр. 20). По

рассказам шаманов душа представлялась соединенной особой нитью с тем божеством, которое ее создало. Обрывание этой нити означало смерть человека. Ср. у Вербицкого (Словарь, 311): «арыг тыны ак жібек полуп кун-чүлеп сусталын тігірге сыгара тартынтыр — чистая душа (богатыря) сияла как солнце и в виде белой нитки тянулась к небу.

čon, qalyq čon — народ; см. прим. к № 86: čon — волюсть.

qat qıjaŋu — см. прим. к № 89.

pağaq paštyğ pał sadaq — с широкой верхушкой богатый колчан.

sadaq — колчан со всеми принадлежностями. См. у Радлова, IV, 383: Садак (Kir) — лук со всеми принадлежностями; (Tel Alt) — лук и футляр для лука; Sag, Koib, Ktsch — колчан. Сказители часто переводят sadaq как пояс, напр. выражение «kök pörüktüg, tös sadaqtyğ połtur — юноша был имеющим синюю шапку и берестяной колчан», сказители переводят: «юноша был имеющим синюю шапку и берестяной кушак» (стр. 64). Интересно, что у тувинцев sadak понимается как охотничий пояс со всеми принадлежностями для ружья [перенесение названия с одного предмета на другой по функциональной значимости: колчан (для стрел и лука) — охотничий пояс с охотничьими принадлежностями для ружья].

Стр. 36. čardyq ajsałıan, čardyq kün sałıan čer — земля, освещенная половинчатым солнцем и половинчатой луной, т. е. подземный мир. Подземный мир в общем подобен земному, только он освещается половинчатыми светилами (ср. тексты 98, 100, 108).

qara tałaj aqqaп čer połtur — в подземном мире протекает черное море, море мертвых (ср. тексты 98, 101).

pilbēčarŋum ~ pilbēčadum. Ср. мрасское pilbēnsa ~ pilbēnče.

töbertin — снизу.

Стр. 40. čazyğ ~ čazag.

asqaп tosqaп — букв. блуждающий, сбившийся с пути.

ajraпu qojutqaп — айран сгустился; должно обозначать, что богатырь сильно огорчился и рассердился (ср. ajraпum qıgırča — зло меня берет). Ср. на стр. 205 ajraпu qırudu — я сильно рассердился.

Стр. 42. qu-qys — букв. девица лебедь. Иногда в сказках имеет то же значение, что и qu-qat — ведьма (Вербицкий, Словарь, 148; Катанов, Образцы, 248).

Стр. 44. qyzył iğ — букв. красный вечер, т. е. время перед закатом солнца, когда краснеет заря.

pilbēčadybys ~ pilbēčābys.

pırezi ölčēni čoq, pırezi qałčēni čoq — букв. ни один из них не умирал, ни один в (живых) не оставался. Ср. ниже: pırezi ölür, pırezi qałar čoq.

sałıun oıpaп kirdi 'поднялся ветер'; ср. Вербицкий, Словарь: куйун ойнап жадыр 'поднялся вихрь' (стр. 217).

Стр. 46. paзынагa azaq perbedi, tudunaгa qoł perbedi — букв. ступать — ноги не дал, хватать — руки не дал.

Стр. 48. sā-saldy ~ sał-saldy ~ sałıp sałdy.

pijik, мрасск. mōzük.

tüktüg čürek — косматое сердце, в значении бесстрашного сердца.

arunγan saγužyn

taradyp turaylar — букв. утомленные мысли рассеивали, распускали, разбрасывали, расточали.

Стр. 56. üzülbes tynyn üze šarty — нервующую душу его он оборвал (см. прим. 45).

pilčarzyn ~ pilčan.

Стр. 58. polbānčebis ~ polbančabys. Ср. polčēn ~ polčan, ajtsēn ~ ajtčan.

Стр. 60. kelgeneri ~ kelgenneri.

Стр. 62. perbesketin ~ perbeske ettin.

parčārys ~ parčarybys ~ parčabys.

šebeldej — имя сверхъестественных существ, обычно женщин.

Текст 11

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 72. tajčy ~ tajčy — имя богатыря. О слове tajčy см. Владимирцов, Общественный строй монголов, 1934, стр. 96.

čatča → čadyp-čat; turča → turup-čat.

kök purba — синее кольцо, имя богатырши.

kök qān — синий хан.

Стр. 76. čarγanat quš — летучая мышь-птица. Летучая мышь в эпосе часто называется птицей.

širge ~ širke ~ šerke (ср. šige) — престол хана, место во дворце, где лежит или сидит хан, синоним постели хана («širke-kŷrabat»).

qurγuq qatraš — сорок складок, сорок комнат. Комнаты дворца называются складками. Вероятно, этот образ основан на складках оболочки шатра.

müsteŋ nuŋnaq iŋi naŋčy — букв. легче рога двумя друзьями стали.

oqtar — стрелы. В настоящее время термин oq имеет значение пули: перенесение названия по функциональной значимости со стрелы на пулю; обычное название для стрелы — soγan. В сказках и шаманских заклинаниях сохранился старый термин.

Стр. 78. aŋar-oq-um ~ aŋar-oq-rum (rum).

Бурхан — ruŋqan, роŋхан — идол, изображение Будды.

uŋuŋ aγaš užur ašča,

uŋuŋ küčün öster ašča —

Великое дерево падает,

Великий богатырь со стоном погибает.

Обычный образ в героическом эпосе, отражает широко распространенное представление о связи жизни героя с деревом. Ср. в поэме Кюк Кан: «Из костей богатыря выросла великая гора, из плеча богатыря выросло великое дерево».

Стр. 80. quš qurt — птица-червяк. Это выражение имеет обычно значение: насекомые, все живые существа на земле (вплоть до мельчайших насекомых).

Сказка Алтын Тайджи не имеет обычной концовки, потому что сказитель передал ее не полностью.

Текст 12

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 80. qān mergen — хан меткий стрелок, имя богатыря.

qan argo (arguŋ) — хан чистая, светлая, имя богатырши, жен и невест ханов.

Стр. 84. aŋtyn qaŋqa (qaŋqu) kōzēnek — золотое окно, дверь; понимается сказителями как окно в особой золотой раме. Смысл этого слова утрачен. См. Радлов, I, 250: qaŋqa — дверцы хлева, калитка, дверь в сказках.

čon — народ, волость (административное деление).

azŷta ruḍun aŋtar kelip — букв. раздвоенными ногами не перешагивал.

čonnuŋ užunda — букв. в конце народа.

aqsy tilin aŷš — букв. рот-язык друг у друга беря.

Стр. 88. kümüš qān — серебряный хан, имя хана.

Стр. 90. quzuŋ edi qysuŋa ruŋur — букв. красное тело (мясо) завизжав.

čajanuŋ mōzük ruŋzun — это выражение одними сказителями переводится: творец твой высоко (высоким) пусть будет; (čaja — творить, čajačy, čajan — творец; ср. čaγys čajan čažymdy seŋ-me pirge qožur saldy ŋ seni čajaγan čajačyŋ čažyŋ uzaq etsin). У шорцев существовало следующее представление: чем выше на небесах живет, чем отдаленнее от земли дух-творец, сотворивший героя, тем славнее и знаменитее дела и подвиги этого героя. Таким образом это выражение означало пожелание герою счастливой и славной судьбы. Другие сказители переводили это выражение: «пусть гроб твой высокий будет» и понимали как пожелание герою славной, геройской смерти или «да будет твой гроб далек (высок) от тебя», т. е. — да будет жизнь твоя долгой, да проживешь ты долго; (čajan — гроб). И, наконец, некоторые сказители это выражение переводят: «да будет рост твой высокий» и толкуют как пожелание герою могущества и силы. Ср. Вербицкий, Словарь, 68: јайан, јайаан — гроб, природа, создание, рост, телосложение; јайанын пōзүк ползун — да будет рост твой возвышен; Катанов, Образцы, IX, 222: Очазын узак ползын, чајанын мүзүк ползын — возраст твой да будет долгим, природа твоя да будет высокой.

Стр. 92. qara mükü — черный храбрец, силач.

Стр. 96. abaŋnuŋ ružyn ajtsaŋ! eneŋniŋ ružyn ajtsaŋ! — скажи (про) голову твоего отца, (про) грудь твоей матери, — ругательное выражение.

Ср. К. О. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб. 1880.

«Кто какого-нибудь человека, едущего пристойно, будет бранить, произнося „голова отца и матери“ и подшучивать над ним, говоря „такой сякой“, с того взять лошадь» (стр. 40).

Стр. 96. *toγuzon uzančy (uspačy)*. Ср. в легенде об утесе Ак-гая, приводимой Вербицким: «богатырь ковал раскаленное железо одними своими руками, употребляя пальцы вместо щипцов, а кулак вместо молота» (Зап. мисс. за 1874 г. Томские губ. вед., 1875, № 17).

Стр. 99. Из их спины ремень... выдирали; ср. «...ясачного татарина Чеоктона поймав, у живого глаза велел выколоть, и ремня из спины вырезали, и повесили на дерево» (речь идет о жестокостях князя Бай-горока, посланного джунгарским ханом за сбором алмана в 1710 г.). Памятники Сибирской истории, кн. II, стр. 310.

Стр. 100. *tabanyn čalyarčalar* — букв. лизали подошвы, в эпосе вместо *sijbarčalar* — гладить.

Стр. 102. *ała maңnyq* — пестрая вышитая одежда. Понимается как «кое-какая одежда», как одежда, в которой хан-герой спит или возлежит у себя во дворце, как шелковая нарядная одежда и как алая шелковая одежда. Ср. Вербицкий, Словарь, 199; *мандык* — вышитая одежда, канфа.

Стр. 106. *tulγu mīstīg er* — в значении: хитрый, коварный богатырь; ср. стр. 234: *tulγu mīstīg* — богатырь, имеющий рога, в значении: крепко-лобый, с особой силой богатырь.

ajranyna suγ qožuǵdy — букв. в айран вода прибавилась. Ср. *ajranym qojudy* (стр. 40).

Стр. 108. *parbysabys ~ parybyssabys*.

qoǵu kōzegir — рука онемела, стала как камень, ср. *kōže* — каменный столб, надмогильная плита (Вербицкий, Словарь, 181).

qary — часть руки от пясти до локтя.

Стр. 110. *pūtken aγazy*... — едет землею, на которой созданное дерево — выросший черный шиповник, созданная трава — растущая осока, т. е. из всех деревьев растет лишь черный шиповник, из всех трав осока одна выросла.

odu qujaq — острая, режущая трава.

toγus kōstīg syrǵyγ oq šeni syrǵar kelip — свистя, как девятиглазая окрашенная стрела. Свистящие стрелы известны были, согласно китайским летописям, у древнего населения Алтая. В могильниках Алтая находили наконечники подобных стрел. («Все наконечники стрел имеют тонкие черенки, вставляющиеся в древко; при некоторых из них встречаются полые костяные шарики с прорезями, издающие при полете стрелы свистящий звук». С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудурга на Алтае. Материалы по этнографии Г. Р. музея, 1927, т. III, вып. 2, стр. 45). Шорцы встарину употребляли свистящие стрелы при охоте на зверя. Роговой наконечник подобных стрел окрашивался в красный цвет (*syrǵyγ oq*) и имел три или иногда девять отверстий (*üš kōstīg oq, toγus-kōstīg oq*). При полете такая стрела производила особый свист

(*syγyrtqyš oq* — свистящая стрела). В. В. Радлов такого типа стрелу видел у бачатских телеутов. «Между древком и наконечником одной стрелы был укреплен полый роговой шарик с несколькими отверстиями» (Aus Sibirien, т. I, стр. 336). Окрашенные стрелы известны были и абаканским тюркам. Ср. Вербицкий, Словарь, стр. 151: сыр *jōbonny kurlygunnan* каап *алчык* — вынул из колчана крашеную стрелу. См. также: *сырлап etken* сыр *jebe керекпе* — не угодно ли вам разукрашенной стрелы (в значении угрозы), Вербицкий, Словарь, стр. 321.

Стр. 112. *požadyšqan ~ pozadybysqan*.

qara qyǵyš — черный меч.

ortqam — позвоночный столб, хребет.

Стр. 122. *qara saǵyn* — черный ветер.

oşken tügü teskere poǵtur — выросшая шерсть обратной была; *teskere tüktüg* — шерсть обратную имеющий (конь). Ср. Катанов, Образцы, стр. 218: «*teskär tüktüg* — (конь) имеет обратную шерсть».

Стр. 124. *tüben* — в прошлом множество, десять тысяч (*tüben ~ tümen* — десять тысяч, очень много, отряд в десять тысяч человек, округ, область, которая может поставить десять тысяч воинов, Радлов, III, стр. 1103). Ср. монгольское *tümen* и русское «тьма». В настоящее время смысл этого слова утерян, и сказители толкуют его или как «заповедный, тайный, скрытый, никому не сказанный», или, реже как «великое множество». *aǵton tüben*, букв. шестьдесят по десять тысяч.

tartynmaldy ~ tartynyp aldy; (ynyp || nyp || non).

Стр. 126. *küler* — сказители переводят как медный и как чугунный; ср. *qara küler* — чугун (*šojun*).

Стр. 128. *sögin tudar* — букв. кости держать; (хоронить — *sögin čyγar*).

qalaq qoqquj — возглас огорчения.

aǵtyn oq — золотая пуля (→ стрела).

Стр. 132. *čer aǵtynañ šyqqan üš qaraqtyγ qara soγan, күнү čaryqtañ kelgen toγus kōstīg oq* — из-под земли вышедшая трехглазая стрела, из солнечного мира пришедшая девятиглазая пуля. Обычно, когда в эпосе говорится о выстреле в солнечном мире, то подразумевается пуля, когда о выстреле в подземном мире — то стрела. Орудия, вышедшие из употребления, переживают в фольклоре: стрела, которую сменила пуля, продолжает существовать в подземном мире.

Стр. 134. *čegen tübü tartyǵyšty* — букв. дно чегеня растянулось, зашевелилось, стянулось;

Стр. 136. *cederge ~ čatrym ~ čederge et cattyrym*.

Стр. 138. *ijgi qaraqu pažyna patpān qaldy* — два глаза на голове не уменьшались.

Стр. 150. *taγa čörzeñ, tajaγyñ poǵaj, suγa čörzeñ, čölegiñ poǵaj! idibisseñ, ežiktaγy idiñ poǵaj*... Обычная формула сватовства у шорцев. Ср. совершенно тождественное обращение жениха или сватов к родителям невесты у абаканских тюрков (Катанов, Образцы, IX, стр. 260) и у алтайцев

(Никифоров. Аносский сборник, Зап. Зап.-сиб. отд. РГО, т. XXXVII, 1915, стр. 24).

šajyyn mergen synu saju synmān... возможный перевод: «Шайгын Мерген — а стан его не ломался и глаза его не мигали, (вдруг) чистая душа его ушла, и он умер». См. также стр. 222.

Стр. 154. kōrne — свадебный подарок; ср. suj — подарок вообще.

Текст 13

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Стр. 154. aq öleñ — белая трава, имя богатыря.

qur öleñ — серая трава, имя богатыря.

qujyuyq — чудесная птица (см. примечание к тексту № 52).

qulyg ~ qulyg.

Текст Ак өленг и Кыр өленг приводится как образец пересказа героической поэмы. Полный текст этой героической поэмы-сказки войдет во II том настоящего издания.

Текст 14

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 158. aq qān — белый хан.

rijel — маленькая чашечка для вина и чаю. Возможно туркестанская пияла.

Стр. 162. qudat — Китай, китайские, в настоящее время означает: «изящные, искусно сделанные». См. у Малова: «кыдатың келгән кымамны кырк чыл тайнап тоспады — чүгәнең сулугы — пришедший из Китая (т. е. лошадь) сорок лет жевал мое кушанье = сычуг и не насытился» (Отчет о командировке, стр. 44).

Стр. 164. qumys — питье, приготовленное из кобыльею молока.

sijinčik — букв. впитывающийся.

saūyn kelip — сказитель переводит: «заскучав, зоря занялась» (saūyn — тосковать, думать, размышлять); ср. saquū — блеск, сияние, мираж. С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. Язык и мышление, VI—VII, стр. 264.

terig — букв. тороки. Ср. шорские же qančyūa. terin || tergen — собрать, снарядить (Вербицкий, Словарь, 350).

ülgen түбүн үзе qujyurdu, čas түбүн сара qujyurdu. Сказители переводят: закричал, разрывая дно, глубину Ульгеня (небесного духа), т. е. небеса, на которых обитает Ульгень, разрывая дно, глубину подземного мира, где обитает дух нижнего мира (čas, čer čas — властитель подземного мира); ср. «ülgenni үзе qujyurduylar, časty čara qujyurdu yar»; «ülgen түбүн үзе qujyurduylar, čazy түбүн үзе qujyurduylar». В последнем случае сказители переводят: «разрывая простор степи» (т. е. средний мир).

Стр. 170. ton torjo — крепкая шелковая материя, плотный, хороший шелк.

suñ torjo — хорошая плотная, гладкая шелковая материя (suñ || su — здоровый, трезвый, Вербицкий, Словарь, стр. 307); ср. sum.

Стр. 172. quzyraq rejlerdi kišteže, ručalardy oñ nada — букв. заставляя кобылиц ржать..., заставляя быков мычать.

Стр. 174. altyn tana — золотая пуговица.

qurtug ~ qurtug — с червями, имеющий червей.

raq ajran soqtuñ-ma... Айран скотоводы держали в кожаных больших мешках или деревянных кадках и время от времени его сбивали специальной палкой-мешалкой. Это выражение должно означать: из близкой ли или из далекой земли приехал богатырь.

Стр. 178. elikkijk — возможно надо понимать не «пятьдесят коз», как переводят сказители, а как двойное слово 'козы'. Ср. алтайское elik — дикая коза.

para para kelgenin — по причине того, что он [ехал, ехал] (и) приехал...

Стр. 182. tałaj kül — море-зола, т. е. много золы.

taš očutaryn tałady,
tałaj küllerin šašty —

начальная аллитерация.

Стр. 184. sū qoburyaj, ср. алт. sū paltyrjan борщевник (Heracleum) и sū в значении: разрывать, срубать, разрывать, напр. sū pazyp syndyrbysty.

Стр. 198. tałaj qomys, в других поэмах tał qomys — комыс из тала.

qola pyryū-ba tałaj qomustun ünü... отражение представления о музыке и пении как о чем-то сверхъестественном, чудодейственном и чудесном. Ср. отношение к песне енисейских тюрков: «Hierzu können wir noch die Bemerkung hinzufügen, dass auch nach der Vorstellung der Tataren der Gesang der höchste Ausdruck der Weisheit ist. Es giebt kein Wesen in der Natur, welches der Macht des Gesanges zu widerstehen vermöchte. Ich habe Tataren mit andachtsvollen Gefühlen erzählen hören, wie die sieben Kudai auf einer Wolken Spitze sitzen und schönen, von den Tönen der Harfe begleiteten gesängen bauschen. Selbst Aina soll sich bis zur Brust aus der Erde erheben um die Töne der Harfe und des Gesanges anzuhören, welche auch die Vögel der Luft, die Fische des Wassers und die Thiere des Feldes, ja sogar Felsen und Berge umreißen» (M. Alexander Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, стр. 316).

Также у алтайских тюрков: «onun qožončoyon qožonuna qaq ayaštañ bür jaryldy, qatū jerden kök tomuldy — от пропетый им песни на сухих деревьях распустились листья, из твердой, высохшей земли показалась зеленая трава» (из героического эпоса).

Стр. 200. ök — живот, брюхо животных. tobur qamčy — короткая, тупая плеть.

perge ~ pererge. Ср. per ~ perer; mündürēm ~ mündürerim.

Стр. 216. künnük — расстояние одного дня пути.

Стр. 214. *egrejgen čerlerine...* Ср. перевод у Катанова: «когда кри-
визна его наполнилась мясом, когда горб его наполнился супом» (стр. 183).

Стр. 228. *üren čurt* — поколение-стойбище, семья-стойбище, т. е. насе-
ление ханского стойбища. Ср. у Вербицкого: *ürennen ürenge* — из рода
в род (стр. 413).

kičig čurt — малое стойбище, т. е. скот на ханском стойбище.

očuqtaryn aṇdardy, qazannaryn tunderdi — разрушить очаг значит
уничтожить юрту, разрушить стойбище.

Стр. 232. *uḡ ayaštyn iḡi paštaryn pačlar alyp, altyn tana pečeziniḡ
ölgen söḡün aya saḡ saḡdy*. Отражение в героических поэмах древнего обычая
погребения на деревьях (ср. текст № 102). О погребении на дереве см. также
Радлов, Образцы, т. I, стр. 348, перевод 372: «Ак Кан старик умер.
После того как три дня после его смерти прожила, на четвертый день умерла
старуха. Кости старика и старухи поднял он вместе на вершину листвен-
ницы. Золотой гроб он сделал, положил туда кости старика и старухи
и поставил на вершину лиственницы».

Стр. 234. *tan* — холодный, северный ветер.

Текст 15

(Род Карга, ул. Усть-Анзас, р. Анзас)

Стр. 236. *suṇezi ~ suḡ ezi* — хозяин воды. См. легенды о хозяине
воды — тексты 37, 38.

künnüḡ čaryḡa ošqaš čer — земля и жилище хозяина воды подобны
здешней земле и жилищу человека. Ср. пол в жилище хозяина воды
(стр. 238).

čorug — сеть на крупную рыбу. Рыбачили сетью коллективно (7—10
челов.). О рыболовстве см. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны,
совершенное в 1881 году Зап. РГО по общей географии, XI, 1889 г.,
стр. 320, 322—323; Вербицкий, ук. соч., стр. 214; Миротворцев, ук.
соч., стр. 26, и др.; W. Radloff, Reise durch den Altai, Archiv f. wiss.
Kunde v. Russland, 1865, Bd. XXXIII, стр. 223.

*oḡ suḡ eziniḡ oḡlu šortan počur čörčadyp tutturup alyp, pažyn taš-ra
šaptyr saḡyp, am kebege üstünde čatčatqan*. — Сын хозяина воды может
принимать то антропоморфный, то зооморфный образ. Он плавает, обратясь
щукой, и лежит на печи как человек. Его голова перевязана из-за побоев,
которые он получил, когда попал (в образе щуки) в сеть рыбаков.

qočajyn (от русского: хозяин) — название купца, торговца. Так шорцы
называли тех богачей — *pač*, которые имели лавки.

svendej — от русского свинья.

pir-da ištebēnča, poča čapsyq etti čirča — этой фразой дана яркая харак-
теристика торговца и выражено отношение к нему бедного шорца-промы-
шленника.

Текст 16

(Род Кый, верховье р. Мрассу)

albályp ~ alyp alyp.

purnada ~ purunda — прежде, сперва; '*purun ~ mugun*' нос, морда.
purunda — букв. у его носа, на его носу.

ižibskēn ~ ižibiskēn ~ ižip-isken

tegej — темя, верхушка головы, холм. Вершина горы, согласно антро-
поморфным представлениям шорцев, считалась ее теменем. Ср. *tagdyḡ
pažy* — вершина, голова горы, *tagdyḡ qojnu* — ложбина, пазуха горы
и т. д.

šābysqan ~ šabbysqan ~ šabybysqan ~ šabyr-ysqan

poč ~ počur.

pras — *pras-sug* — р. Мрассу, впадает в р. Томь. *söl pras* — один
из истоков р. Мрассу.

Представления о горах как о живых существах *sui generis* и пред-
ставления о них как о вместилищах духов-хозяев (*ēzi*) теснейшим
образом переплетались и подчас совершенно сливались. Поэтому в леген-
дах очень часто трудно бывает определить, идет ли речь о самой горе или
об ее хозяине, является ли сама гора живой и действующей или же дей-
ствие относится к хозяину, в ней обитающему.

По старому представлению шорцев, горы и их хозяева живут подобно
людям. Они могут передвигаться, переходить из одного района в другой. Они
состоят в родственных отношениях друг с другом. Более низкие горы
подчинены высоким или чем-либо замечательным горам. Горы воюют между
собою, вступают в брак и т. д. Каждый род имел свою родовую гору-тайгу,
являвшуюся обычно местом промысла этого рода.

Ср. у скотоводов: «алтаец поклоняется той горе, откуда бегут воды,
орошающие долины, на которых пасутся его стада. Шаманист, получая
свое богатство, жизнь и другие блага, сознает, что эти блага идут
из какого-то рога изобилия, но рог этот гора, где он имеет свои кочевья.
Каждый *söök* (род) имеет свой алтай» (Приложение к отчету Алтайской
духовной миссии 1911 г., стр. 91).

Жертвоприношения горам носили ярко выраженный родовой харак-
тер. Существовали определенные запреты для женщин, как чужеродок, по
отношению к родовым горам, — запреты, аналогичные запретам по отно-
шению к старшим родственникам мужа. Им запрещалось проходить мимо
родовых гор с непокрытой головой, босыми и т. д. Им запрещалось также
подниматься на эти горы.

В многочисленных легендах отразились представления о горах как
о живых некогда богатырях. Ср. В. И. Вербицкий, Алтайские горы по
легендам инородцев (Мировоззрение и народное творчество сибирских ино-
родческих племен. Литературный сборник. СПб., 1885, стр. 335—352):
«Алтайские горы, замечательные или своей высотой, или очертаниями, были

до потопа богатырями. Некоторые из этих богатырей еще до потопа же были превращены в горы. Из допотопной жизни богатырей в народных преданиях особенно обращено внимание на свадьбы и войны их» (стр. 340).

Текст 17

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Мыски-Томазак)

šyqālaqta ~ šyqqaqta.

tagdyŋ qulaŋy — уши горы. Представление о горе (и ее хозяине) как о живом существе.

Текст 18

(Род Таяш, ул. Чилису-Анзас)

šylyg sug — букв. теплая вода.

abyŋan ražynda — в вершине Абакана, на голове Абакана. Ср. Л. Я. Штернберг, Материалы для изучения гияцского языка и фольклора, т. I, СПб., 1908, стр. 17: «На краю головы этой земли».

qazyg-qān — сильный, свирепый хан — название горы. Любопытно, что возникшие с разложением рода новые социально-экономические отношения сказались и на названиях гор. Вместо «отца горы», «матери горы» появилось название «хан горы».

ācqa ~ ačyqqa.

qyŋcā ~ qyŋyŋcā ~ qyŋyŋcā.

qyŋyŋrān paŋybysqan — букв.: не откликнувшись ушел. В тайге опасно откликаться, так как зовущим может быть хозяин горы. По существовавшим представлениям, последний, завладев «голосом» человека, тем самым завладевает его душой, и человек неминуемо умирает. Старик-шорцы даже боялись закричать ночью на собаку, лающую около дома, — это дух, подстерегающий человека, мог начать лаять по-собачьи и таким образом обмануть человека и похитить его душу.

aŋypur — деенпричастие от aŋyp, букв. взять для себя, быть кем-то взятым, сходиться с ума, дичать, дуреть. Причиной сумасшествия считался захват души человека духом. Особенно часто овладевают душой охотника хозяева гор — женщины, которым этот охотник понравится.

Текст 19

(Род Кый, верховье р. Мрассу, р. Кыйзас)

abaŋanaŋ ~ abaŋannaŋ; aba-qan — отец-хан. Ср. объяснение названия р. Абакана как 'медвежья кровь': некогда охотник застрелил медведя, когда тот переплывал эту реку, и от крови убитого медведя река стала совершенно красной. Отчет Алтайской миссии за 1912 г., стр. 39.

tassyŋ ~ tasqyŋ (sq || ss) — гора, хребет.

čörčyttabys ~ čörčätqanybys ~ čörčätqanmys.

ačyqtap čörčytqanmys — букв. охотясь мы ходили.

aŋa — туда (dativus locativus).

abij (aba) teze — если же говорить об отце, то он...

tijŋ kōr paŋybysqan — букв. белку глядя пошел. Шорцы охотились на белку (ради шкурки) всю зиму. Охотились по преимуществу с ружьем (кремневая малокалиберная винтовка). Мясом белки питались во время промысла (ели тушки белки вместе с внутренностями), копченые тушки привозили домашним. Беличьи шкурки на ряду с другой пушниной («голубые белки и соболя») с древнейших времен служили предметом меновой торговли и шли в уплату дани киргизским князьям, монгольскому Алтынхану, затем джунгарскому Кон-тайше и, наконец, русскому царю. Привыкать выслеживать белку шорец начинал еще мальчиком. На промысел брали мальчиков лет 12—11, часто и моложе. Приведенный текст является рассказом такого мальчика (13 лет), промышлявшего вместе с отцом (1925 г.).

pārsqan ~ paŋyp-ysqan ~ pārbysqan.

qōryššam ~ qyryššam (šš || šš).

ajčam ~ ajtčam.

paŋām ~ paŋayum.

parbodurāmda ~ paŋyp oduramda ~ paŋyp oduryamda.

qyŋcynaŋ ~ qyŋyŋyp čatqannaŋ ~ qyŋyp čatqannaŋ ~ qyŋ čatqannaŋ
qyŋčytqannaŋ ~ qyŋčyŋannaŋ ~ qyŋčynnaŋ.

Текст 20

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

aŋnap paŋčadyŋ aŋnap paŋyp čadyŋ ~ paŋčadyŋ — охотясь ходя.

Охота была основным видом хозяйственной деятельности шорцев. Об этом говорят как казачьи отписки, грамоты воевод и т. д., так и все путешественники. Так, Георги в 1799 г. писало верхне-томских татарах (родах шорцев, живущих в верховьях р. Томи): «Питаются они по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Подушный оклад платят в Кузнецке мягкой рухлядью» (Описание всех обитающих в российском государстве народов, стр. 163—164). То же подтверждал В. Вербицкий в 1859 г.: «Главное их занятие зверопромышленность, рыболовство» (Выписка из журнала мисс. Кузн. отд. Алт. миссии за 1859 г., Христ. чтение, 1862, № 4, ч. I, стр. 553). В Записках за 1861 г. он же писал: «В инородцах в высшей степени развит инстинкт звероловства; при покупках и продажах они простодушно поддаются всякому обману и не в состоянии различить лжи от истины, а в лесной их сфере проявляется в них необыкновенная сметливость: на быстром беге, при множестве сле-

дов зверя, охотник читает по ним, как по грамоте» (стр. 4); (см. также: Кузнецкие инородцы. Томские губ. вед., 1858, № 9; Журнал мин. внутр. дел, 1858, кн. V, стр. 15; А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. РГО по общей геогр., т. XI, 1888, стр. 177, 199, 320; Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1883 г. Зап. Зап.-сиб. отд. РГО, кн. VIII, в. II, 1888, стр. 101; Кузнецкий край. Живописн. Россия, т. XI, 1884, стр. 292; Н. Ядринцев. Об алтайских и черневых татарах. Изв. РГО, 1881, т. XVII, стр. 237; В. Вербицкий. Алтайские инородцы, 1893, стр. 17—23, W. Radloff. Aus Sibirien, 1893, Bd. I, стр. 343; Землеведение Азии Карла Риттера, т. IV, Дополнение к т. III, сост. П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным, 1877, стр. 503—505). К. Н. Миротворцев в своем отчете о поездке в 1910 г. для обследования бассейнов рр. Абакана, Кондомы и Мрассу пишет: «Начиная с осени до весны все мужское население Мрассу и верховьев р. Кондомы отправляется на охоту» (Южная часть Кузнецкого имения Алтайского округа, стр. 23). Об охоте, как ведущей отрасли производства у шорцев, говорит и А. Аравийский, работавший в Горно-Шорском районе в 1925 г.: «Пушной промысел — основное в жизни шорца, обуславливающее экономическое состояние семьи..., быт шорца» (Шория и шорцы. Труды Томского краев. музея, 1927, т. I, стр. 129 и др.).

qogut — каменная россыпь, образовавшаяся от обрушившейся скалы. Среди камней соболя устраивают свои норы. Придя в тайгу, артель располагалась станом во вновь сооруженном или в старом, оставшемся от прежних лет, шалаше. Охотники обычно брали с собой собак. Выследив, куда прячется соболя, охотники растягивали на этом месте на палках особую сеть — аңуq (до 120 м длины), прятались где-нибудь поблизости и ждали, когда соболя выйдет и запутается в сеть. Иногда приходилось ждать всю ночь напролет. Чтобы в темноте узнать, когда выйдет соболя, и чтобы не упустить ценную добычу (albāyannu tajdyrba — не дай соболю уйти, ускользнуть; albāya aңuqtañā tajybystyr), к сети привязывали колокольчики. Соболя, выйдя из россыпи, начинал бегать вдоль сети и, ища выхода, запутывался в сеть. По звону колокольчика охотники узнавали о добыче. Обычно соболя выкуривали из камней дымом. Попавшего в сеть соболя убивали кайком от лыж или же душили, положив его на лыжу и придавив ногой. Этот осенний промысел (сетью аңуq) на соболя, продолжавшийся до декабря, имел коллективный характер («соболя ловят обыкновенно сетями, которые расставляют на вершинах гор, в камнях, где зверь особенно любит рыскать; чем больше сеть, тем больше шансов на успех добычи, поэтому сеть ставится артелью человек в шесть, подобно тому, как это делается на артельных рыбалках неводами». Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 320). Во время зимнего промысла (в январе) в период гонки соболя охотник уходил от стана обычно один. Выследив соболя, он с большой осторожностью, предварительно прорыв проход под снегом, ставил под следами соболя капканы. Добытый индивидуально соболя шел также к рас-

поряжение артели. В том случае, когда собака загоняла соболя на дерево, охотник убивал его из ружья. Соболя прячутся также под корнями деревьев и в дуплах, где их и выслеживают с собакой. Шкурки соболя шли в уплату дани и были предметом обмена, позднее — торговли. Охота на соболя, — одного из самых ценных зверей, — была связана с особенно многочисленными запретами и сложным ритуалом. (См., напр., у Д. Ярославцева: «При добыче соболя шкурку сдирают, а тушку уродуют, переплетая и запутывая лапки, и прячут куда-нибудь под колодину» По горной Шории. Сиб. огни, 1926, № 3, стр. 180).

tündük — дымовое отверстие в юрте. Юрты шорцев имели чувал, расположенный у стены налево от входа. Чувал носит название 'kebege'. Навес в форме рыболовной морды над очагом, сплетенный из прутьев, называется sügen (рыболовная морда). Sügen своим верхним, суживающимся краем выходил сквозь крышу юрты. Этот выход sügen'я и называется tündük. В домах, где имеются русские печи, tündük'ом называется дымовое отверстие.

kürçek — лыжная лопатка. Как от лыж имеет вид узкой деревянной лопатки на длинной палке. Этой палкой-лопаткой охотник регулирует направление своего пути особенно при спуске с гор. Этой же лопаткой он нередко выкапывал яму в снегу для ночлега во время промысла в тайге. Она нередко служила охотнику и чашкой. При переходах через реки он пробивал ею лед и, зачерпнув воды, замешивал в ней талкан. Этим напитком он утолял свой голод.

rörgüñni perbezeñ, iliginñi per. — По широко распространенным прежде представлениям, вместе с вещами, принадлежащими человеку, можно завладеть его душой. Вот почему в этой легенде хозяин горы, рассердясь на охотника, просит его шапку или рукавицы.

körtüsča ~ körgüsča — показывает.

tolaš odurčatqanda ~ tolažyr odurčatqanda — друг с другом они расчитывались. Хозяева гор очень любят играть в карты, причем проигравший обычно отдает выигравшему свой скот, — зверей своей тайги, — который и перегоняется в другую тайгу. Этим шорцы в прежнее время объясняли случаи уменьшения зверя в тех или иных районах.

tagdyñ eziniñ qarağunça — в глаз хозяину горы. Ср. уши горы.

oñ qar — букв. тот снег.

Текст 21

(Род Шор, верхний Матур)

parčytqan roğam — я отправившимся был.

qujgyłan ~ qujgyłayan.

in (ün) perbēm — голоса не дал.

perbēniñ — твое недавание.

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

qāzuy — сильный, могучий.

qōlōnaq ~ qułunaq — колонок (*Mustela Sibirica*). Еще иначе это животное называется sagas ~ sāg'as (ās ~ aγ-as — горноста́й) — рыжий, желтый горноста́й. Возможно, что слово qułunaq означает «маленький жеребенок» (от qułun жеребенок и aq — уменьшит. суффикс) и является, таким образом, иносказательным названием зверя на промысле. Ср. название для соболя на промысле — asquy или asquy aq или aq, для горноста́я — qaqa quzquq — черный хвост, оленя — taš tuɣaqtuγ — каменно-копытный, волка — uɣuɣ quzquq — длинный хвост и т. д. Особенно много таких названий имел медведь (aršuyaq, aba, ułda, adaɣuq и др.). Охотники считали, что как хозяин горы, так и сами звери слышат все то, что говорят о них, и, чтобы звери не успели скрыться, а хозяин горы — запрятать свой «скот», они избегали называть зверей их обычными именами и называли их иносказательно. Запрещалось во время промысла также называть обычными именами домашних животных, людей, дом, утварь и т. д. Так, напр., лошадь (at) называли tūktūγ qaɓaq — шерстистый лоб, дом — tört toluq — (toluqtuγ) — четыре угла (четыреугольный), изгородь (šeden) — kešig — брод, водку (aγaγu) — qaqa suγ — ключевая вода и т. д. (ср. Вербицкий, Словарь). Этот охотничий промысловый язык носил название tūjuq sös, т. е. скрытое, тайное, запретное слово. См. еще об описательных терминах на промысле у В. И. Вербицкого, Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1874 г., Томские губ. вед., 1875, № 22.

aɣuɣuq — специальная сеть на соболя. Шкурки пушных зверей издавна служили предметом обмена и торговли, поэтому охотники всеми средствами старались сохранить ценную шкурку не попорченной, что лучше всего достигалось применением на охоте сетей.

Об охоте шорцев сетями, aɣuɣuq, сообщает еще Паллас в 1770 г.: «Около Таштыпа кочуют татары Каинского и Кобынского поколения (Tataren vom Kainzischen und Kobinzischen Stamm), первых насчитывается 25 чел. взрослых (Schatzbare Köpfe, т. е. платящих ясак), а Шарбского (der Schorskische Stamm) поколения, которое живет по Мразе (Mrasa), кладут 50 чел. Они живут в неприступных своих укромах еще до сих пор в не пошевеленном язычестве. Понеже в их дачах соболий промысел не корыстен, то чтобы заплатить ясак походят они в леса по ту сторону Енисея. Однако, койбалы, кои по некакому праву присваивают сии места себе, им ловить тут мешками (mit Stellnetzen) не дают, а коли поймают, то отняв добычу или снасть (das Jagdzeug) и поколотив, домой отпускают». Pallas. «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches», ч. III, половина I, стр. 367, пер. 515. См. также: Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 320, и Кузнецкий край, стр. 292.

küskü — букв. осенний, в значении: «осеннее время», «осенняя пора», «осенний период», осень.

šana — лыжи, необходимое средство передвижения шорцев. Без лыж шорец называл себя «пешим» (Вербицкий, Алтайские инородцы, стр. 18). Глубокие снега позволяли шорцу промысливать только на лыжах. Лыжи делаются из березы, талины или черемухи (последние предпочитались) и подбиваются с помощью деревянных или металлических гвоздиков конской, маральей или оленьей шкурой, снятой с ног животных (руšqaq ~ руšqaq). Более примитивный способ подбивки лыж — вкладывание лыжи в шитый кусок шкуры. Последний зашнуровывается бечевкой или ремнем на верхней поверхности лыжи. Встарину, по рассказам стариков, лыжи подшивались камусами диких копытных животных и даже шкурой выдры. Для ходьбы по насту служат лыжи из сосны, не подшитые шкурой — qalbraq или qaɣɣa. Ср. Вербицкий, Словарь, 126: qaɣɣa; в Зап. за 1861 г.: «лыжи употребляются непременно с подволоками 'кыс', которые делаются из кожи оленя, взятой с коленей этого животного... за неимением оленьих 'кыс', подкладывают лошадиные, но непременно подкладывают, так что простые лыжи называются не лыжами, а 'голицами'. На голицах только ходят по насту (намерзший весною на снегу ледяной покров, по-алтайски 'чарым')» (стр. 3, также: Алтайские инородцы, стр. 17—18).

azyuq — запас. Задолго до отправления мужчин на промысел женщины начинали готовить для них запас. Неделями они растирали ручными жерновами ячмень, предварительно поджаренный в плоских котлах qoγuɣ, и готовили для охотников талкан. Охотники брали с собой также на промысел крупу поджаренную, пшеничную, солод, мясо (обычно конское), сушеную рыбу, чай (кирпичный), соль. Запас пищи обычно каждый брал себе отдельно, так же каждый обычно на промысле имел свой котелок.

sörtke ~ sūrtke ~ sürke — волокуша из конской шкуры. Сложенный в эту шкуру «запас», охотничьи припасы, капканы, ловушки и необходимая утварь (котелок, чашки и т. д.) зашнуровываются веревкой. Охотник тащил sörtke за собою по снегу при помощи лямок. Ср. sürte — тащить (волоком), волочить. (Вербицкий, Словарь, 314).

По рассказам, встарину sörtke делались из шкур диких зверей. По всей вероятности, некогда охотник завертывал добычу в шкуру убитого им зверя и волочил по снегу к своему стойбищу. На ряду с sörtke охотники перевозили запас и добычу на нартах (šanaγaš). На более близкое расстояние охотники тащили ношу за плечами.

odaγ ~ odaɣ — охотничий стан, балаган, шалаш. (Балаган — местное русское название для промыслового шалаша.) Уходя на звероловный промысел на 50—200 км и более от улуса, артель охотников останавливалась станом в старом шалаше, предварительно восстановленном, или делала новый из молодых пихт, поставленных в круг наклонно к ветвистому дереву и заваленных ветвями (odaγ || odaɣ), или из колотых сухостойных деревьев

(ауус). Плахи ставили наклонно, упирая их в ствол развесистого дерева, и заваливали пихтовыми ветвями и снегом. Прежде чем соорудить шалаш, разрывали и разгребали снег. («Зимою снег в окрестной тайге, на горах, выпадает на глубину до 9 арш., так что, когда промышленники разгребут его (а разгрести необходимо до почвы) и поставят свой балаган, то сидят, как на дне глубокой ямы, из которой ничего не видать». Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 101; Ярославцев, ук. соч., стр. 180). Просушив землю устилали «пол» пихтовыми ветвями. Посредине раскладывали огонь, который старались поддерживать в течение всего промысла и к которому относились особо осторожно и с большим уважением. Шалаш ставился где-нибудь у развесистого дерева, по возможности поблизости от воды. Иногда для покрышки шалаша служила береста (каждый охотник привозил на нартах кусок сухой бересты). В сооружении шалаша участвовал весь коллектив охотников. В шалаше все охотники жили вместе в течение промысла. Промышлял обычно каждый охотник отдельно. Утром охотники уходили от шалаша поодиночке или вдвоем и к вечеру приносили свою добычу к охотничьему стану. Иногда шли сообща (напр. при охоте на соболя с сетью). Порядок размещения членов артели внутри шалаша был строго регламентирован, также были строго распределены обязанности каждого члена артели. Питался каждый отдельно или вместе с ближайшим родственником. Иногда вся артель питалась сообща («встарину так всегда бывало»). — «Скоро проходит день, скоро начинает темнеть в лесу. Мало-помалу вся артель собирается к месту стоянки с добычей и весело располагается на отдых. Среди темнозеленых кедров и пихт, опутивших свои ветви под тяжестью снега, копошится эта таежная семья; один разгребает глубокий снег до земли кривой лопаткой, которая в то же время служит тормозом при скатывании с гор на лыжах; другой принес сучьев и валежника и разложил между старым колодником жаркий костер, третий устанавливает к огню котел со снегом, чтоб варить чай. Яркое пламя костра освещает соседние деревья, увешанные винтовками, мешечками и разным лохмотьем, скользит между стволами деревьев, колеблясь и исчезая в непроглядной тьме, в глубине немого леса; оно заливает своим светом группу людей, расположившихся перед костром, в разнообразных позах. Немой и угрюмый лес оживился; одни из таежников распивают горячий чай с толканом, другие закусывают мясом зажаренной белки или тетери, ведут веселую беседу каждый о своих странствованиях по тайге, живописуя ее рассказом о похождениях какого-нибудь зверька, сложившего свою голову под пулей, о его проделках и изворотливости, о стремлении обмануть охотника и скрыться от преследования. Долго, долго тянется эта беседа, длинная как зимний вечер. Не один котелок чаю опорожнится, много трубок выкурится, прежде чем каждый успеет рассказать о проведенном дне и подвести итоги своей охоты. Кончились рассказы; таежники покуривают трубки, впившись глазами в огонь и поминутно сплевывая; вечеру не видится конца, надо его коротать. Устада жизни ивородца, неразлучный

гомз — с ним, в тайге; сняв инструмент с сучка, он строит его и заводит сказку про богатыря, и вечер летит незаметно. Товарищи тихо и молча сидят, поправляя костер, и с жадностью слушают, одни обдирая убитую белку, другие — нанизывая тушки на длинные прутья и поджаривая на огне. Льются глухие, протяжные звуки голоса сказочника под тихое гудение гомза, льются далеко за полночь и наконец смолкают. Утомление и сон смыкают очи лесных детей и скоро кругом замирают малейшие звуки, скоро воцаряется немая тишина. Костер уже тихо потрескивает, слабо вспыхивает, разливая тусклый свет, и постепенно прогорая, потухает совсем». (Адрианов, Кузнецкий край, стр. 293.)

šačyḡ šačyḡannar — кропление совершали, от šač ~ šač — кропить, брызгать, делать возлияние, разбрасывать. Особый вид жертвоприношения духам заключался в кроплении абырткой — брагой из ячменя — или вином. Обычно такое кропление устраивали перед отправлением на промысел, во время самого промысла и после окончания его. Главное родовое кропление хозяевам гор и воды — šačyḡ — устраивалось весной сразу же после вскрытия рек.

aḡnar čörür — охотясь ходя.

qajāḡ ~ qajānyḡ

ačyḡyḡ ~ ačyḡyḡ; č || š.

qajāḡ išti — внутренность горы.

araḡa ačyḡčattyr ~ ačyḡyḡ čattyr — водка была подвешена. Ср. qazaḡ as — подвесь котел, т. е. свари пищу.

qujyryščatqannary uḡıdu — их взаимное перекликанье слышно было.

emdegi ~ emdaḡy — находящаяся дома, домашняя.

aḡ-quš — зверь-птица. Это выражение имеет значение и охотничьей добычи вообще.

oḡ qatquḡa — к его смеху, по отношению к его смеху.

tajānyḡ ištineḡ — изнутри горы.

aḡnar kelgennerde — когда они охотясь вернулись. Возвращающимся с промысла охотникам устраивали встречу-угощение saq (saq — чуткость, осторожность, трезвость, ожидание; saqta — ожидать, хранить).

Охотники ходили по очереди по домам участников промысла, начиная с дома самого старшего, где их поили вином. Всех приходящих охотники угощали мясом убитых животных. Собравшиеся на угощение не только ели сами, но и уносили куски мяса своим домашним.

Игра в карты хозяев тайги и гор, проигрывание ими зверей и птиц — один из распространенных мотивов. Ср. аналогичные рассказы у абаканских тюрков. Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, СПб., 1907.

Текст 23

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

kirege ~ kirerge

tereq su — глубокая вода.

pyşqu — факел, расщепленная палка с воткнутой в нее берестой, употребляется при лучении рыбы; pyşqu употреблялась иногда и при камлании.

edibaşur ~ edip aşur

şyłaзақ — босиком, şyłaş aзақ — голая нога. Ср. Вербицкий. Словарь, 108:

jyłaş aзақ-pyła

turşyğan ~ turşyğan ~ turşytqan ~ turşatqan ~ turup şatqan.

körbaşur ~ körüp aşur

Горы — место обитания хозяев — мыслились наподобие жилищ человека.

Текст 24

(Род Таяш, р. Ойныг)

usqan-kel — usqan kelip ~ usqanur kelip

körgenim — мое смотрение.

işren abyrtqa — та абыртка, из которой не пил человек. Для кропления духам необходима именно неиспитая абыртка, чистая, не оскверненная прикосновением человека. Если кто-либо отведаст этой абыртки, хозяева гор не станут ее пить. Абыртка — напиток из ячменя, встарину также из кандыка. См. Вербицкого Словарь, стр. 3; см. также: Адрианов, Путеш., 1881 г. стр. 310—311; Вербицкий, Зап. за 1861 г., стр. 12.

er edinerge — «сделать мужем». Мотив о сексуальных связях охотников с хозяевами гор, женщинами, — обычный мотив охотничьих рассказов. Ср. рассказы абаканских тюрков — Катанов, Образцы, т. IX.

Текст 25

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасс. авт. область)

qan tegri — хан-небо — название хребта в верховье р. Томи.

aşyğan ~ ajtşyğan ~ ajtşajtqan

Текст 26

(Род Таяш, р. Ойныг)

şaşa ~ şatşa

tağya şöğsam — я иду в гору, к гор.

Текст 27

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

aşnar şöğgen — охотясь ходил. Звероловный промысел шорцев был «пеший». Зимой охотники шли на лыжах, летом уходили обычно пешком. («Покачиваясь из стороны в сторону, инородец на лыжах легко пробегает от 70 до 80 верст в весенний день, а в самый короткий зимний обыкновенным бегом от 50 до 60. Но если охотнику нужно перехватить зверя, т. е. пересечь линию бега, заметив его направление, то он пробегает от 100 до 150 верст в день» — Вербицкий, Зап. за 1861 г., стр. 3; также: Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 320). Лошадь как средство передвижения имела небольшое значение (по преимуществу в северной части района). На лошадях осенью отвозили иногда в тайгу продовольствие артели (складывали на специальных срубках, помостах tastaq), на лошадях же отвозили в отдельных случаях охотников до последнего (наиболее близкого к району промысла) улуса и ездили туда встречать их.

qazan azyşur aşur — повесил котел, т. е. варя пищу.

adybsqan ~ adyb-ysqan.

oş nō-la poşza, oş poşzun ter — «что бы ни было, пусть то будет!» говоря.

tilep şörcütqannardy — ища ходящих, т. е. тех, кто ходит, ища (зверей).

attyr saşdyn — ты застрелена, ты дала, допустила себя застрелить.

nān-kelgen ~ nanur kelgen.

Текст 28

(Род Таяш, ул. Чилису-Анзас)

qonşyğanubys ~ qonşatqanmys.

turşyğanyn ~ tuşatqanyn ~ ee стояния.

emşegi sarbaşur — груди ее растопырившись (растопырились).

paşynda aq plattyg — имеющая на голове белый платок.

ajtqanym — мое сказывание (ср. ajtqam).

Текст 29

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

passik qadaşan — пасеку сторожил.

Пчеловодство, т. е. добыча меда диких пчел (агу), с давних пор известна у шорцев. См. у Вербицкого: «кроме пчеловодства занимаются еще пчеловодством, т. е. отыскиванием блуждающих пчел. Кому посчастливится в течение весны, тот находит колод до 20 этих блуждающих пчел», Алтайские инородцы, стр. 24; см. также Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 183, 323; Radloff, Aus Sibirien, стр. 368. На ряду с пчеловодством

существовало и пчеловодство (по данным экспедиции Швецова 1900 г., 27.8% хозяйств имели пасеки, 16.9% — по р. Мрассу и 44.9% — по р. Кондоме. («У некоторых инородцев (зажиточных шорцев) количество ульев доходит до 1000» — Вербицкий, ук. соч., 24; см. также у Миротворцева, ук. соч., стр. 26.). Мед и воск имели большое значение в обмене и торговле шорцев с соседними племенами. Названия *passik*, *koloda*, *möt* взяты из русского языка. Для обозначения дикого меда употребляется слово *pał*.

Текст 30

(Род Четибер, р. Томь, ул. Сыркаш)

añ soguñu ~ soguñu (γ || j) — солонец. Охотники подстерегали маралов, оленей и козюль на солонцах. Солонцы (*soguñ*) они устраивали в озерах и на болотцах на местах, где водились эти животные. На дереве (с подветренной стороны) сооружали особые помосты, укрытые со всех сторон ветвями (*tastaq*). Оттуда охотник стрелял в приближающихся животных. Охотились в одиночку или вдвоем. Женщинам в прежнее время запрещалось подходить к солонцу, равно как запрещалось им присутствовать вообще на местах промысла, прикасаться к орудиям охотничьего промысла, пересекать путь охотникам и т. д.

añva — злой дух.

men seni azugaγuñ — я тебя кормить стану. Бессильный в борьбе с природой, задавленный вечной нуждой; не находя выхода из вечного долга скупщику-танышу, шорец-охотник создал нереальный мир хозяев и хозяек гор, наделяющих, якобы, промышленника богатством. Но полуголодный охотник мечтал далеко не о богатстве. Его мечты были гораздо более скромны: он мечтал о сытой жизни.

Текст 31

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

qajla — напевать былинку, аккомпанируя себе на комысе. Ср. Радлов, II, 3, 27.

azquγ ~ ajuγ — жеребец. Иносказательное название для марала на промысле. Обычное название марала — *sūn*. На марала шорцы охотились не только из-за мяса и шкуры, но и из-за рогов (весенняя охота, май — июнь). Били марала из ружья на солонцах. Зимой гнали по глубокому снегу или насту. Осенью приманивали при помощи дудки (*pyγu*). Встарину устраивали осенью во время перекочевки маралов у маральных бродов загороди (*šeden*), летом загороди с настороженными самострелами ставили на маральных тропах. Этот вид охоты имел ярко выраженный коллективный характер.

šolu šolaγan — путь охотника удался.

pistiñ šannañ šuq-partyr — из нашего счета вышел, т. е. убит, — иносказательное выражение.

ijgi kiži kele pergenner — два человека взяли и пришли. По старому представлению шорцев, хозяева гор очень любят слушать сказки. Заслушавшись сказок, они оставляют без внимания свой «скот» — зверей своей тайги, и последние становятся добычей охотника. Считали также, что хозяева, когда им понравится сказка, одарят за это охотников зверем. Поэтому обычно брали с собой на промысел сказочника, который и получал равную долю из общей добычи.

Текст 32

(Род Карга, р. Мрассу, ул. Анзас)

köze ~ küze — ожег (местное название для кочерги), палка, которой мешают дрова. *küze* называют также плохое, изношенное ружье — иносказательное название для ружья (*myłtyq*) на промысле. Ср. *küzej* — старинное кремневое ружье.

čibiñiñ pažu — букв. голова сети.

alaš — дятел, название соболя на промысле. *alaš* — также название оленя (*aq kijik*) на промысле. См. Вербицкий, Словарь, 17.

turčuza ~ turčatsa.

čibiñe ~ čibinge (ñ || ng).

Текст 33

(Род Кой, р. Кубансу, верховье р. Мрассу)

kelēm ~ kelerim.

nartraq sałdyraγa — букв. заставить положить сказку.

ištiñ qaryłčattyr — твоя внутренность жарится — печалится. Ср. также: *künñ qāryłča, oł qāryłča*.

tag ežiγi — дверь горы.

По существовавшему встарину представлению у шорцев, горы имеют двери, через которые хозяева выпускают своих зверей. Через эти двери шаман во время камлания входит с жертвой к хозяину горы. См. А. В. Анохин, Материалы по шаманству алтайцев. Сб. МАЭ, т. IV, 2, 1924, стр. 17 (*jetti ežiγtū jerim sum* — земля и вода мои, имеющие семь дверей).

odaña enir paγan — к шалашу спускался. Обычно охотничий шалаш ставится в защищенном месте, ниже той территории, где артель охотится. Поэтому идти к шалашу передается глаголом «en» — спускаться, идти вниз по склону горы.

šyqla ~ šyqqyla.

Текст 34

(Род Кый, верховье р. Мрассу, р. Колзас)

odurčyn pořarym ~ odurčatqan pořarym — я сидящий буду.
 qaraγyña → qaraγynγa, также: čirtuña → čirtunγa.
 čōqtabedim ~ čōqtabadym.
 pařam ~ pařarym.
 qonγazyñ ~ qonγanzyn.

Текст 35

(Род Калар, низовье р. Мрассу)

ēn-kelip ~ enip kelip — спускаясь под гору.
 myřtyγyn azynγanče — повесить себе, на себя ружье.
 pařsty ~ pařbysty ~ pařyb-ysty ~ pařyp-ysty.
 añ qujynda aľbyγaľar kōr pořtur — по существовавшим представлениям, хозяева гор держат «свой скот» — зверей около себя в своей юрте, т. е. в горе. Они выпускают его через дверь или через тюндюк юрты — горы.
 Среди многочисленных охотничьих запретов существовал запрет иметь половое общение с женщиной перед отправлением на промысел.

Текст 36

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

čōľu čōľaľbān — путь не удавался (čōľa ~ čōľa — идти по следам, прокладывать дорогу).
 qara qazan — черный котел, задымленный от частого употребления.
 tük nebe — букв. шерсть-вещь (существо).
 četirčēñ ~ čettirčēñ.
 ködürüle peřgen — подниматься, возноситься стала.
 küřtüg — имеющий силу, заключающий в себе силу.
 temir (tebir) tağ — железная гора. Название горы Темир таг, железной горой, горой железа, так же как и названия других подобных мест в тайге, лишний раз свидетельствует о том, что не только населению р. Томи, но и шорцам системы р. Кондомы с древнейших времен были известны как местонахождения железной руды, так и способы добычи из нее железа. См. Риттер, Дополнения, стр. 486 (по рукописи Плаутина 1745 г.: «Жители Каларской волости (по Мандыбашу) и Шорской (по Кондоме) выделяли котлы, таганы, топоры, ножи, обывы (абылы) и другие вещи и ими платили алман в Джунгарию и вели торговлю с теленгутами, которые приезжали к ним через Кумандинские волости, у них брали железные вещи и козлины, а им давали лошадей, соболей и волчьи шкуры, шубы и лосины»); также Гмелин (стр. 280). Это знакомство с кузнечным делом дало повод

сибирским летописям называть население р. Томи «кузнецами» и закрепило имя «кузнецкие татары» за населением этих районов. См. у Миллера: «Живут они в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью рекой соединяются. Сии татары были прозваны кузнецами, потому что они железную руду плавят и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащее к звериному промыслу орудие» (стр. 334—335; о том же Фишер, Сибирская История, П., 1774, стр. 271, 213; Gmelin, Reise, стр. 294). Железные изделия шли в уплату дани и служили предметом обмена с соседними племенами («Шли (калмыки) из тех канских зенгорских волостей в ясашные в кондомские волости для смены тулупов и войлоков на кожи и железные абылы, чем землю копают». Рапорт 1745 г. Материалы для истории Сибири. Чтение в Общ. истории и древностей российских, 1866, кн. 4, стр. 85). Колониальная политика царизма вызвала окончательное исчезновение этой отрасли производства у шорцев.

Эта легенда представляет большой интерес, так как она показывает, каким путем в представлениях шорцев преломляется новое социалистическое строительство. Построенная по типу обычных охотничьих легенд, она вместе с тем таит в себе глубокий социальный смысл. Богач-торговец отвергает камни, которые должны в будущем уничтожить его благополучие. За камнями отправляются бедняки, трудовой народ. Их усилиями создаются новые формы хозяйства и строятся новые формы жизни. Интересно, что хозяин горы тоже противится новому строительству: он прячет камни глубоко внутри горы. Так старая религиозная консервативная идеология борется с нарождающейся новой социалистической идеологией.

Текст 37

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

suğduñ ezi — хозяин воды.

Хозяева воды мыслились обычно в антропоморфном виде. Все реки и реченки тайги считались распределенными между этими хозяевами, которые рассматривались подателями и распределителями рыбы. Значение того или иного хозяина зависело от значения той реки, властителем которой он считался. Самый могучий, сильный хозяин, кому подчинены были все прочие хозяева, мыслился в образе женщины очень большого роста, с длинными волосами, с большими грудями и большим животом. По рассказам стариков, эта хозяйка воды отличалась большой чувственностью. Рыбаки, отправляясь на рыбный промысел, считали необходимым рассказывать на рыбалке самого непристойного содержания истории и в песнях и рассказах восхвалять хозяйку. За это они надеялись получить от хозяйки, которой очень нравятся подобные рассказы, обильный улов.

Особенно опасными считались хозяева весною во время ледохода. В это время хозяин, рассердясь, мог затопить улус. Именно гневом хозяев старики объясняли разливы рек и связанные с ними бедствия. В 1927 г., когда

в низовье Мрассу, в улусе Акколь, во время ледохода обычно затопляемом водой, молодежь стала возражать против устройства *šāṣuḡ* — жертвоприношения хозяину воды, старик-шорец сердито заявил своему сыну: «а ты отвечать за убытки станешь, когда он (т. е. хозяин воды) рассердится?»

köḡünmes — невидимый. Ср. Вербицкий, 186; Радлов, III, 1267; Анохин. Материалы по шаманству, стр. 6; Катанов, Алфавитный указатель собственных имен к образцам народной литературы тюркских племен к I тому. СПб., 1888, стр. 15.

šerdiṅ tündük — земля, по представлению шорцев, имеет отверстие — тундук; через это отверстие шаман спускается внутрь земли к духам подземного мира.

Текст 38

(Род Кызай, р. Кобырсу, ул. Усть-кобырсу)

Текст 39

(Род Кызай, р. Кобырсу, ул. Усть-кобырсу)

öšegin ~ öžün.

Текст 40

(Род Таяш, р. Ойныг)

müstüḡ qara aṅ šuḷaboḡ — зооморфный образ хозяина воды.

См. объяснение ледохода шорцами у Вербицкого: «Когда остановилась вода, инородцы объяснили, что су-ээзи, трудившийся своими зубами взломать лед, на своих же шайтанских плечах и попер его вниз» (Вскрытие р. Кондомы. Томские губ. вед., ч. неофиц., 1859, № 30, стр. 242).

töziṅe || tözüṅe.

Текст 41

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

tižig kiži (tiži kiži) roḷur — женщиной будучи.

pir öḷaḡqa köḡünḡen — одному юноше увиделся, показался.

münmaḷur ~ münür aḷur.

ede suḡ ēzine tarturur aḷan — он дал себя утянуть хозяйке горы.

Текст 42

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

aršaḡtuṅ aṅparša'tḡanu — охота на медведя. В медвежьей охоте с особенной яркостью отражены старые религиозно-магические охотничьи представления. Начиная от сборов на охоту и кончая поеданием мяса,

все действия охотников сопровождались определенными обрядами, которые должны были, по существовавшим воззрениям, обеспечить удачный исход охоты — с одной стороны и способствовать умножению зверя в будущем — с другой.

Ритуал, связанный с медвежьей охотой, очень глубокой древности и, как мы уже говорили в предисловии, восходит, вероятно, ко временам материнского рода. В этой связи интересно отметить то, что медведь очень часто называется *taj*, т. е. дядя со стороны матери. Медведь считается, таким образом, не просто сородичем, а именно членом рода матери.

aṅnuṅ ini — берлога зверя, т. е. медведя.

aṅ — зверь, название медведя на промысле.

Я берлогу обошел. — Найдя берлогу, шорец обходил ее кругом и делал на ближайших деревьях зарубки топором, закрепляя таким образом свое право на находящегося в ней зверя. Придя в улус, он оповещал своих соседей, говоря: «жилище великого зверя я окружил». Это означало, что он объявил свои права на найденного им зверя и что соседи не должны слишком близко от берлоги стрелять, чтобы медведь ее не покинул. Когда выпадал снег, охотник звал несколько человек родственников (своего рода), а если таковых не находилось, то соседей, и шел убивать медведя.

taj ~ tajū — дядя по линии матери, название медведя на промысле. Интересно отметить, что свое название тай, которое, как мы говорили выше, восходит к материнскому роду, сохранилось за медведем вплоть до настоящего времени. См. рассказ «Железная дорога» (*Tebir col*) в шорском учебнике «*Qыгсаṅ kniga*». Сисријаков и Кусургашев, 1934 г., Ogiz, стр. 33 (Книга для чтения. Чисрияков и Кусургашев): «*Parovozqa aršaḡ usıḡar parza, tajū-öl qaj-la roḷḡaj edi?* — если встретится с паровозом медведь, что станет делать дядюшка?

uḷuḡ šer — великая земля, великая местность, название для берлоги медведя на языке охотников.

tappan qalḡannar — они ненашедшими остались.

aḷanarında ~ aḷannarında.

šuyur .parıbysqan roḷbazyn ter — букв. «выйдя, ушедшим пусть не будет», говоря.

uzun aḡaš — букв. длинное дерево.

paḷa ~ paḷa. ḷy || ḷḷ.

pür parında ~ purḷuḡ parında.

tišterin syndırcaḡar — обычай обламывать зубы убитому медведю объясняется, вероятно, боязнью его мести.

aršij-čelep östep kelip — рычание по-медвежьи во время медвежьего ритуала восходит к широко применявшемуся в первобытном обществе подражанию зверю во время промысла.

maḷturḡannuḡ ~ paḷturḡannuḡ — имеющая борщевник, с борщевником (*Heracleum*).

maḷtur ~ paḷtur — икры ног.

čestek ~ aγaš čestegi — малина.

qołamčy — подарок невесте со стороны жениха и его родных; в переносном значении — пуля медведю; улда каламчын ал пар (Вербицкий, Словарь, 140).

quzuqtañ ažur öldüm — чтобы избежать мести медведя, охотники стараются доказать свою непричастность к его убийству.

paštaryñ sōkterin pirge saļur saļur — обычай тщательно сохранять кости и особенно голову медведя, вызван желанием, чтобы медведь мог опять воскреснуть.

muļtyq-ра ātcaļar — то, что охотники после совершения обряда погребения медведя стреляли из ружья, имело целью отогнать душу убитого медведя, чтобы она не вздумала мстить за совершенное убийство.

šanaļaryñuñ čoļuna aγaš toγra taštapycaļar — это делалось для того, чтобы душа убитого медведя не нашла охотников по их следам. У шорцев существовал обряд запутывания следов после погребения сородичей.

ušcy-če tyn — как нить душа. — Ср. такое же представление о душе человека, в частности о душе богатырей, в героическом эпосе. См. также у Вербицкого (Зап. за 1866 г., стр. 8): «тын тибектый — душа как щолчинка. Суеверные алтайцы будто бы слышат, как тын перерывается у умирающего, и потому у них есть бранное ругательство — тын тырс этсин — твоя душа пусть сделает щелчок, т. е. порвется и щелкнет».

Текст 43

(Род Кобый, верховье р. Мрассу, р. Кобырсу)

aršijaq — букв. старичок (от aršij — старик); более обычное название для медведя aršaq.

tiži-kiži ~ tižig kiži — букв. самка-человек.

qarynnuγ (от qaryn) — беременная.

(qyγaγa) šyqqañ — поднималась, шла в гору. Крошечные пашни шорцев (в южной части района) располагались по склонам гор. Итти на пашню — букв. подниматься на пашню. «Их небольшие пашни подняты высоко в горы, чтобы летние засухи и ночные морозы не погубили посева» (Вербицкий, Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 157). О незначительных размерах пашен у шорцев см. Георги: «Землепашество их (абинцев) не знатное, мало кто в оном упражняется и пашни таковых земледельцев едва могут величиной сравниться с знатными огородами и потому они вместо сохи употребляют заступы» (Описание, стр. 162); у Вербицкого: «Хлебопашеством занимаются весьма мало по недостаточности удобных земель» (Вып. из журн. мисс. Кузн. отд. Алт. миссии за 1859 г., Христ. чтение, 1862, ч. I, № 4, стр. 553); у Адрианова: «Пашня, по обыкновению всех черневых, ничтожных размеров, здесь хотя и ведется, но нередко оставляет жителей совсем без хлеба»; «По логу Шудуна сплошь идут микроскопические пашни инородцев» (Путеш., 1883 г., стр. 101, 109).

po — указат. местоим. в значении личного.
ičezine toγažur — матери повстречавшись.

Текст 44

(Род Таяш, верховье р. Мрассу, р. Колзас)

pes — *Erythronium dens canis*. Май-месяц носит название pes aј — месяц кандыка. В этом месяце женщины выкапывали корни кандыка. Кандык варили, а также запасали на зиму. Связки нанизанного кандыка выменивали у степняков на молочные продукты и на овец. Ср. Паллас, назв. соч., стр. 514, 489.

qāz-čōrcādyp ~ qazur čōgūr čadyp — выкапывая ходя.

suγya endir — заставляя спуститься к воде.

suγ ašyq (aļšyq ~ aļur šyq) — подними воду; взяв, пойдй в гору. Шорские улусы расположены по крутым берегам рек; приносить воду поэтому значит поднимать ее в гору.

Текст 45

(Род Карга, р. Анзас, ул. верхний Анзас)

emezi ~ em ēzi — букв. хозяин дома, женщина.

tōr — передний почетный угол в юрте.

kelgenerde ~ kelgennerde.

azrān ~ azyraγan.

čačadyp ~ čatčadyp ~ čadyp čadyp.

ōlbēn-ne četken — едва не умершей дошла.

ton azaγy — общее название для одежды, включая обувь и шапку.

Текст 46

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

saγaј — *Lilium martagon*. Женщины выкапывали луковицы этого растения с помощью особых копалок — ozur.
ponu — этого.

Текст 47

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасск. авт. обл.).

iniņe || ininge; ср. также čeriņe || čeringe.

Текст 48

(Род Кечин, верховье р. Мрассу, ул. Кечен)

ōleñ özür paγaγan poļaγan — трава выросшей была.

enmodurγan ~ enip odurγan.

Текст 49

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

čirgetkende ~ čirge etkende — когда намеревался, когда хотел съесть.

Текст 50

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

sen qajda čatčytqan aң-zuң — букв. где живущий зверь ты есть.

Выдра очень осторожный, «хитрый» зверь, охота на нее требовала от охотников большой ловкости.

Текст 51

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

čanaγa || čannaγa.

Текст 52

(Низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

qujduγu — чудесная птица. Одни шорцы считают, что это лебедь, другие — что это орел или павлин. У Вербицкого, Словарь, 157: кыйгылык (k) — орел.

Чудесная птица фигурирует часто в верованиях и в фольклоре алтайских и абаканских тюрков. См. Радлов, Образцы, т. I, 265; Катанов, Образцы, т. IX, 232.

Текст 53

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

šoŋa — имя, прозвание, имя подставное, употребляемое теми лицами, которым нельзя произносить настоящего имени. См. Вербицкий, Словарь, 449.

ergek — самец, большой палец, также курок у ружья.

ruŋan ~ ruŋan ~ rŋan — сохатый лось (*Cervus Alces*).

čyŋtystar-oq roŋur paγannaγ — речь идет о звездах Орион и Альдобаран.

Текст 54

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

qudaγ — добрый дух, божество, икона. См. Радлов, Словарь, II, 14; Катанов, Алфавитный указатель собственных имен к образцам народной литературы, к I и II тт. СПб., 1888, стр. 12; Анохин, Материалы, стр. 12, 18.

taγ-suγ — гора, вода; подразумевается вся неорганическая природа.

ülgen — имя доброго небесного духа. Культ Ульгена возник, вероятно, в развитом отцовском роде. Этот культ отличается большой сложностью. Жертвоприношение Ульгеню мог совершать только шаман. Шаманке-женщине не разрешалось камлать Ульгеню. См. Катанов, Алф. указ., стр. 21, 30; Анохин, Материалы, стр. 9—12.

Текст 55

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

ot qušcaγu — птица огня. Этой птице шорцы приписывали появление у них первого огня. Между прочим, в этой роли иногда выступают журавль, орел, ворон.

Текст 56

(Род Кый, ул. Палыкташ, юго-зап. часть Хакасской авт. области)

pyšŋaq ~ pyžyŋaq — сыр из творога.

tojzaq ~ tozyjaq (tūzek) — берестяной кузов, берестяная корзинка.

qaš — качинец.

maŋ ösprēnce — скот не вырастает. Эта фраза характеризует состояние скотоводства у шорцев в дореволюционный период. По данным 1900 г., в системе р. Мрассу 13. 6% хозяйств не имели скота, 37. 3% не имели крупного рогатого скота (Миротворцев, Южн. часть..., стр. 21). Шорцам неизвестно было приготовление таких молочных продуктов, как кумыс, чегень, пыштак или пышлак и др. (Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 309, Radloff. Reise durch den Altai. Archiv f. w. Kunde, Bd. XIII, H. 1, стр. 228). Хотя шорцы и заготавливали сено, но скот кормили, подгоняя его к стогам («скот кормят подпуском...» Адрианов, Кузнецкий край, стр. 288. Путеш. 1887 г., стр. 317; «кони, по обычаю инородцев, питались в загородке у стога сена целую зиму, заедая жажду свою снегом». Вербицкий, Зап. за 1866 г., Прав. обозр., стр. 166). Особенно мало развито было скотоводство в южной части района. См. у Вербицкого: «Скотоводство и птицеводство — в жалком положении», Зап. за 1861 г., стр. 28.

Текст 57

(Род Кобый, верховье р. Кобырсу)

qadyγ čyŋ — тяжелый, жесткий год. В тяжелые годы, в годы неудачного промысла и неурожая хлеба, таежные шорцы перекочевывали в соседние притаежные и степные районы. Некоторые старики-шорцы на рр. Матуре и Таштыпе помнят, как их отцы и деды перебрались в степь в тяжелый год.

Текст 58

(Род Кый, р. Палыкташ, юго-зап. часть Хакассии)

qyγyys čazy — кыргызская степь. В других вариантах этой легенды говорится о сагайской степи.

Текст 59

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

mindig aṇnar qajdig čerden — из какой это земли пришли такие звери? — Удивление охотника при виде быков подтверждает рассказы стариков об отсутствии встарину скота у шорцев и о появлении сначала лошадей, позднее рогатого скота, прежде всего в сев. части района, а затем и в тайге. (Согласно описанию, сделанному Плаутиным в 1845 г., «из скота кондомские инородцы держали одних только лошадей». Риттер, Землеведение, стр. 486; ср. у Вербицкого, Зап. за 1861 г., стр. 28; Адрианов, Путеш. 1883 г., стр. 108.) Лошадь использовалась богатыми шорцами сев. части района для завоза товаров в тайгу, а также для обработки своих земель. Условия южн. части района (тайга, зимой глубокие снега) затрудняли передвижение на лошади. Лошади на убой (soym, от soq- 'убивать животное, колоть' — лошадь, обычно старая, предназначенная на убой) были предметом обмена с соседними племенами, а позднее завозились русскими торговцами. (См. материалы для истории Сибири. Чтение, 1866, кн. 4; стр. 73, Рапорт 1747 г.; Гр. Спасский, Сиб. Вестн., 1819, ч. VII, стр. 141; Риттер, Дополнение, стр. 486; см. также: Зап. за 1862 г. Вербицкого, Прав. обозр., 1863, стр. 144.) См. у Адрианова: «Мясо употребляется редко и чуть ли не исключительно во время каких-либо народных пиршеств, напр., по случаю свадьбы, сбора ясака, принесения жертвы и пр. В таких случаях за счет артели, рода, покупается корова или лошадь и торжественно убивается» (Путеш. 1881 г., стр. 308).

saγyṇy || saγyṇny.

Текст 60

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

аккол || ақ көл — букв. белое озеро; озеро в безлесном чистом месте; (ақ — безлесное место).

Текст 61

(Род Челеп, низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

aja turguzur — ставя самострел. Шорцы устраивали в летнее время на оленьих, маральих тропах коллективно загороди (šeden); около пустот, оставленных для прохода животных, настораживали самострелы. «Для лоса,

олена (Cervus pygargus) и марала (C. Elernas) делают городьбу, которая бывает версты на три, кое-где оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляются от 200 до 300 луков... Это промысел летний» (Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 20). Осенью, когда козы из Кузнецкой тайги переходят в менее снежные районы, за Абаканский хребет, охотники на местах перехода через реки устраивали городьбу и в отверстиях ее настораживали луки и ставили петли.

quḷ saḷ или quḷ ur — ставить петли. Петлями шорцы обычно ловили глухарей (selej), рябчиков (synma), зайцев и т. д. (ср. Вербицкий, Зап. за 1863 г., Прав. обозр., стр. 165). Петли ставили и на маралов и коз. См. у Вербицкого: «Хозяин нашей юрты много лет ловит лосей зимой, делая для них загороди с воротами, в которых наставлены самострелы, а летом петлями, которые ставятся вблизи озер, куда лоси любят скрываться от комаров в воде, и с удовольствием питаются здесь сочными корнями кувшинника (Nymphaea alba)». В прежние годы охота загородами с настороженными петлями (осенью, на местах маральих, лосиных и козлиных бродов) имела коллективный характер. В сооружении загородей участвовал коллектив (обычно родственник по отцовской линии) охотников. По окончании постройки загороди и по возвращении в улус коллектив охотников выполнял работы в хозяйствах охотников, оставшихся караулить у загородей животных. После промысла добычу делили поровну. Наделяли мясом всех присутствовавших сородичей.

Текст 62

(Род Шор, верховье р. Матур, Хакасс. авт. обл.)

uzyq — животное, посвященное духам. Оленеводы посвящали духам оленей, скотоводы — чаще всего коней, но могли быть посвящаемы также овцы и рогатый скот. Ср. у абаканских тюрков uzyq (yzyx), у алт. и кирг. uḷyq, у тофа и тувинцев udyq, у якутов utyq, у желтых уйгуров juzyq (от глаг. yt || ys || uḷ — посылать, отправлять, отпускать) (Вербицкий. Словарь, стр. 457; Радлов, Словарь; 1359, Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1866, стр. 387).

У абаканских тюрков каждому духу посвящали uzyq особой масти. Коня обычно посвящали на родовом жертвоприношении горам — taḡ taḷyḡ.

uzyxa tutčütqan — лошадь, которая ставится ызыком (uzyq tut, uzyq-sal и спец. глагол uḷyqta ~ udyqta — делать ызыком, посвящать коня).

pozo — брага, пивной затоп.

minerge ~ münerge (ü || i) — с посвященными животными связан был ряд запретов. Особенно строги были эти запреты в отношении женщин: женщине запрещалось ездить на посвященном коне, не разрешалось даже дотрагиваться до седла, переступать через седло, держать и поить коня и т. д.

soyarğa şarabanşa. — Запрещалось закалывать посвященных коней. Иногда этот строгий запрет смягчался, бызых закалывали, но прежде избирали на его место другого молодого коня. Кости заколотого или умершего бызыка не ломали, а складывали вместе и сохраняли — погребали.

В языке шорцев, живущих в юго-зап. части Хакасии, имеются некоторые отличия, напр. *izi* вм. *ezi* (*i* || *e*), *kizi* вм. *kiži* (*z* || *ž*), *sübirek* вм. *šüberek* (*s* || *š*), *uзух* вм. *uзуq* (*x* || *q*) и т. д. (Ср. хакасский яз., в частности язык сагайцев, соседей шорцев.)

Текст 63

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

odağ turğusqan poştur — юрту ставящим был. Шорцы обычно ставили для женатых сыновей отдельные юрты.

pozaŋazun aĭtar pazarg̃a šarabān poltur — порог перешагнув, вступать запрещено было. Настоящая легенда отражает существовавший у шорцев институт «избегания». Обычай избегания между свекром и невесткой выражался в запретах называть свекра по имени, брать что-либо из его рук, показываться свекру с обнаженными руками и ногами, с непокрытой головой, входить в его юрту и т. д. См. у Вербицкого: «Обыкновенно женившемуся сыну сейчас же отводится новая юрта и жена его, если за чем-либо и придет в юрту отца мужа, то далее порога никогда не ступает, тем более сесть, хотя бы и у двери, никогда себе не позволит» (Зап. за 1862 г., Прав. обозр., 1863, стр. 158); у Адрианова: «Женщина не может называть по имени ни брата (старшего) мужа, ни свекра...» (Путеш. 1881 г., стр. 328). Сноха, особенно после смерти мужа, была в полной зависимости от свекра. См. у Вербицкого: «Сноха после смерти мужа остается при одном ячмене и вечной невольницей своего свекра, купившего ее как вещь, и который копейки не сбавит с нового покупателя, если бы таковой выискался». Зап. за 1864 г., Прав. обозр., 1865, № 2, 3; о том же: Radloff. Aus Sibirien, I, стр. 357.

tuluṅ ~ tuluḡ — женская коса. Заплетание волос во время свадебного ритуала связано с существующим у многих народов обычаем обязательной перемены прически для женщины при переходе ее в дом и в род мужа. Ср.: косы девиц — *sürünmeş* (см. Зап. за 1867 г., стр. 10; Вербицкий, Словарь, 314).

ōḷary ~ ōḷary.

kelineri ~ kelinneri.

ēžik ēzi или rozaŋa ēzi — хозяин двери или хозяин порога. В настоящей легенде ярко выражена императивность института избегания: невестка нарушила веками существовавший запрет — входить в юрту своего свекра, и хозяин порога — дух предок, родовой дух, который охраняет старые порядки, ее наказывает. Очень возможно, что хозяин отрезал не-

вестке косы, потому что невестка явилась к свекру с непокрытой головой.

К хозяину порога обращается шаман во время своего камлания, охотники приносят ему жертву перед отправлением на промысел. О хозяине порога (розоҕо) у алтайских тюрков см. также: А. Е. Ефимова. Телеутская свадьба. Материалы по свадьбе и семейно-родовому быту у народов СССР. Л. 1926, Сб. I; Анохин. Материалы, Сб. МАЭ, т. IV, 1924, стр. 9.

Текст 64

(Род Кечин, верховье р. Мрассу, ул. верхний Кечен)

ištebēn annabān čatqan połtur — не работающим, не охотящимся [живущим] был. Этот рассказ отражает заключительный период шаманства, когда шаманство уже является профессией и когда шаман сам в производстве уже не участвует, а живет за счет общества («его кормят духи»).

tajgaŋa šyɣur, qaryŋ teriŋ aŋ quš aŋnar akelgen — его невестки поднявшись в тайгу, на мелких (каких попало) зверей охотясь, (их домой) приносили. Очень возможно, что это является воспоминанием о том времени, когда женщины участвовали в охотничьем промысле на ряду с мужчинами, помогая мужчинам выслеживать и загонять зверя. Как правило, у шорцев женщина не участвовала в охотничьем промысле. Больше того, существовали строгие запреты для женщины в отношении промысловой территории, охотничьих орудий и промысловых зверей.

tösteri čibiskenner — духи съели. По существовавшим представлениям, духи могут съесть, загрызть человека. Шорская женщина из рода Кобый на реке Кобырсу в 1925 г. на мой вопрос, сколько у нее детей, ответила: «aıty paıa poıyan, ol aıty paıadañ ijgini-le azyrandym, törtün ajna čir saıdy — было шесть человек детей, из шести детей только двоих вырастила, четверых айна съел». Семьи, в которых умирали дети, переезжали много раз с места на место, с тем чтобы укрыться от айна. В прежнее время, когда хотели сказать, что человек умер, говорили: ajna čir saıdy — айна съел.

Текст 65

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

pašqa kižini pistiŋ tajgağa aŋnaryğa požatpāñcabys — других людей не пускаем охотиться в нашу тайгу. Охотничьи угодья являлись коллективной собственностью. Старик рода Кобый рассказывал: «Встарину, еще при дедах наших, тайга будто была общая, каждый где хотел, там и промыслял, мы же промысляли каждый в своей (т. е. родовой, принадлежащей роду) тайге; это же говорили старики рода Четибер, Кый и Карга.

У каждого рода (внутри рода у төл'я) были свои охотничьи угодья. Адрианов в 1881 г. писал: «У каждого рода есть своя тайга» (Путеш.

стр. 325; См. у него же: «Тайга в вершинах Кондомы принадлежит шорам (роду шор)» Путеш., стр. 199, 317; Кузнецкий край, стр. 292. О том же Вербицкий, Зап. за 1867 г., стр. 5). Из-за нарушения границ этих угодий происходили ссоры между отдельными родами и драки между охотничьими артелями. Дела о нарушении границ родовых территорий передавались даже паптыку (родовой суд). Ср. у А. Янушевича: «Куда ходили деды, отцы, туда и новое поколение, постепенно закрепляя за собой определенные охотничьи угодья. Если в эти места приходил „чужой“, то его выгоняли или отбирали добытую пушнину и отправляли в свой улус на суд стариков» («Обследование охотн. промысла Горной Шории». Материалы по изуч. Сибири, Томск, 1931, т. III, стр. 93; о том же: Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 317; Кузнецкий край, стр. 292). В чужую тайгу разрешалось идти только в годы невыхода зверя в своей тайге и то с разрешения того рода, которому эти угодья принадлежали (обычно это был род, откуда брали жен). О наличии границ охотничьих угодий см. у Миротворцева: «У инородцев не существует между собою разграничения прав на те или иные районы охоты. В одних и тех же местах можно встретить охотников с Мрассы, Кондомы и Абакана. Однако все же можно установить в общих чертах распределение охотничьих районов, к которым тяготеет население тех или иных мест» (ук. соч., стр. 24). В низовьях р. Мрассу, напр. улусе Томазак, населенном представителями различных родов, артели, составленные из представителей различных родов, промыслили в тайгах своего улуса (а не рода или төл'я).

pisteñ küğçek ğırzār — палки (кайок) поедите, т. е. мы вас побьем.

Запрет ломать кости убитых на охоте зверей вызван тем представлением, что для возрождения зверя необходимо требуется, чтобы в целостности сохранился его костяк. Несоблюдение этого обычая влекло, по представлению стариков, неудачу на промысле, уменьшение и даже полное исчезновение зверя. По этой же, вероятно, причине оставляли в тайге головы убитого сохатого (sūn) и козла (kijik), повесив их на дерево.

selej — глухарь. Кость глухаря обычно бралась с собой на охоту, чтобы обеспечить удачу. Перья глухаря часто прикреплялись к изображению охотничьих духов: ucyap qan — летающий хан или qanattyğ — крылатый.

toyułzun || toołzun — пусть заполняет, наполняет (тайгу).

Текст 66

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

orbuñ ał — шорское название улуса Сыркаш. Этот улус получил свое название от имени шорца Сыркаша, предка төл'я Сыркашевых, рода Четибер. Шорцы, особенно в южной части тайги, селились обычно маленькими поселками, состоявшими из нескольких юрт близких родственников. (См. у Вербицкого: «По обеим сторонам реки находятся не в далеком расстоянии

один от другого небольшие аилы от 3 до 5 юрт». Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 157). Такие поселки (аї), расположенные по берегам рек и ключей, состоявшие из членов одного рода или подразделения рода (төл'я) носили как правило имя старшего, обычно первого здесь обосновавшегося. («Несколько юрт, принадлежащих членам одного семейства, называются аилом; название аилу дается по имени старшего в роде». Риттер. Дополнения, стр. 487.) На ряду с такими крошечными поселками были селения в несколько десятков юрт (и домов), состоявшие из представителей двух или нескольких родов (по преимуществу в сев. части района). Эти поселки обычно получали название от названия местности. «На правом берегу р. Мрассы, при впадении р. Анзас находится улус Анзас Дальне-Каргинской вол. из 20 домов». Вербицкий, Зап. за 1862 г., стр. 157. Вербицкий в Зап. за 1863 г. (Прав. обзор., 1864, стр. 151) писал: «Название аилов зависит от старшего члена в роде. Если же несколько разных родов живут в одном месте, такое селение называется уже не аилом, а улусом. Улусы большею частью носят название реки, при которой они расположены, или зависят от некоторых особенных признаков, которыми отличается местность». О характере поселений, названиях, количестве юрт и т. д. см. у него же: «Кочевья инородцев Кузнецкого округа по рр. Томи, Мрассе и Кондоме», Пам. книжка Томск. губ. за 1871 г.; Зап. за 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1874 гг.; у Адрианова: Путеш. 1881 г., стр. 176—195; 1883 г. стр. 100, 103, 113.

šabał aγyγ — худая, скверная болезнь. Так шорцы называли инфекционные заболевания.

šabał nebe ajna akkelip tüžürtür — шаман скверную вещь, злого духа айну, приведя, спустил. Всякая болезнь приписывалась действию злых духов, в особенности инфекционные заболевания. Шаман, рассердившись на своих соседей, мог наслать на них злых духов (айна).

emde šoq połtur. — Осенью, как только выпадет снег (šap или šapγary || šap qary) и замерзнут реки, мужчины отправлялись на промысел. Во многих улусах оставались лишь женщины, дети и старики. Мальчики 12—14 лет, а иногда и еще моложе, уходили на охоту со взрослыми.

emdayy || emdegi — находящиеся дома женщины, дети; более узкое значение: женщина, жена.

qajyzy parybystyġar — некоторые из них ушли. Многие переселения шорцев происходили вследствие заболевания и смерти того или другого члена семьи. Во многих местах тайги можно было встретить брошенные нежилые юрты, а иногда и дома: их хозяева откочевали после смерти кого-нибудь из близких, и никто другой не решался в них поселиться. Около таких заброшенных поселений, якобы, бродит айна, съевший умершего, он наверно съест и других здесь оставшихся или вновь поселившихся. Тут же бродят и юзюты — души умерших родичей, возвращающиеся и навещающие живых сородичей. Такие переселения были крайне разорительны.

для шорцев. (См. о бросании улусов у Адрианова, Путеш. 1881 г., стр. 186, 329, у Вербицкого, Зап. за 1863 г., стр. 13.)

pā šeg — Новая земля, название улуса в верховье р. Томи.

saryū kōl — Желтое озеро, название улуса на р. Томи (Косой порог).

ōregi āl — Верхний улус, название улуса Чульджан в верховье р. Томи.

Название этого улуса происходит от имени шорца Чульджана, предка Чульджановых, рода Челей.

qadyū šyū — в значении голодный год. Во время гражданской войны в Сибири некоторые из шорцев из-за недостатка хлеба перекочевывали в Хакасию (обычные переселения шорцев «за хлебом» в степь). Многие переселенцы жили в работниках у богатых хакасов. Большинство перекочевавших шорцев позднее, в восстановительный период, вернулись обратно.

Текст 67

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

pirge qattyžur — вместе соединившись, объединившись.

Отправляясь на промысел, охотники объединялись в артели. От охотничьего же стана они расходились промысливать обычно поодиночке или парами. Наиболее опытный охотник (*ciyū kīži*) считался *ražašcy* — руководителем, и все члены артели беспрекословно ему подчинялись. Артель состояла из родственников по отцовской линии (охотились в родовой тайге). С раснадом родовых отношений принцип родственник (сохранявшийся значительно дольше в южн. части тайги) уступил в известной мере свое место принципу территориальному. (См. у Адрианова: «Когда выпадет снег и установится зима, начинается промысел за зверем. На этот промысел всегда ходят небольшими компаниями или отец с сыновьями или лица из одного улуса, состоящие в дружеских отношениях», Путеш. 1881 г., стр. 320.) Личные качества охотника при комплектовании артели во многих случаях имели решающее значение. Возрастной состав артели бывал различный, от подростков, только что начинающих промысливать, до глубоких стариков. Во время промысла члены артели жили в одном шалаше, занимая каждый свое определенное место. Часто артель сообща закупала огнеприпасы. Добыча делилась поровну между всеми.

См. об охотничьих артелях у алтайцев С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, Барнаул, 1900, т. I, стр. 99: «Повсеместным явлением, характеризующим как промысловую охоту, так и добычу зверя на личные надобности у алтайских инородцев, нужно считать применяемое ими артельное начало. Правда, некоторые виды звероловного промысла не могут производиться без участия двух или нескольких лиц (охота «гонами»), но и там, где охота в одиночку, повидимому, не представляет потери, и там инородцы стремятся соединиться в артели из 5—10 и более человек. Объясняется это, конечно, самыми условиями данного промысла, затруднениями и опасностями, заставляющими промы-

шленников соединяться по нескольку вместе и гарантировать себя от возможных случайностей. Неодинаковый состав артели в значительной степени зависит от чисто местных условий промысла, больших или меньших буранов, метелей, трудностей в передвижении. Местожителство промышленников не имеет никакого значения при составлении артели, т. е. в одну и ту же артель часто входят жители различных айлов, а жители одного айла в разные артели».

teŋ üleš — равная доля. Этот обычай, который восходит своими корнями ко времени первобытно-общинного строя, стал использоваться позднее шорскими богачами для эксплуатации своих бедных сородичей. Сохранились только название и форма этого института, его же социальное содержание коренным образом изменилось. Бедный охотник, не имея с чем идти на промысел, отправлялся к богачу, и тот снабжал его огнеприпасами (иногда даже ружьем и капканами), запасом продовольствия, иногда и средствами передвижения, с тем чтобы по окончании промысла получить от промышленника половину добычи (*orta polüš*). Другую половину охотник обычно также отдавал тому же богачу по назначенной этим богачом цене. Иногда богач сам просил тех или других искусных охотников пойти на промысел на условиях *orta polüš*, снабжал их необходимым снаряжением и забирал половину пушнины. См., напр., у Юхнева, назв. соч., стр. 102: «Богатые инородцы не идут на звероловный промысел сами, а посылают от себя опытных и хороших охотников, которых снабжают всяким необходимым припасом: порохом, свинцом, талканом, курутом, солью, маслом, а если случится нужда, то и одеждой. Им дают лыжи, хорошее ружье, также одну или двух лошадей под съезд, т. е. на время промысла... По окончании охоты происходит дележ продуктов на 2 части, между богатым инородцем — хозяином и собственно промышленником».

Текст 68

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

Обычай выделять часть добычи даже тому, кто просто оказался на месте промысла или встретился в пути, широко был распространен у охотников шорцев и несомненно является пережитком господствовавших раньше первобытно-общинных отношений. Встарину случайно присутствовавший при коллективной охоте или подошедший человек наделялся мясом. Охотник, шедший с добычей, повстречав в тайге неудачливого охотника, делился с ним своей добычей. Если двое охотников нападали на след зверя и если шедший сзади настигал первого, когда тот еще не убил зверя, добыча делилась пополам; если охотник встречал другого до того, как он выстрелил в зверя, убитый зверь делился пополам. Ср. обычай *uŋam reg* — мою долю дай, у тубаларов (*uŋa* — букв. спина, бедро; в культе — лучшая часть жертвенного животного, Вербицкий, 407; *uŋa* — мясо дичи, которое получает человек, встречающий охотника, застрелившего животное, но еще

не снявшего с него кожу [если животное не съедобное, тогда он получает даже шкуру], Радлов, Опыт словаря, 1722) и обычай «южа» — у тувинцев. «Находка, убитая добыча, кроме пушнины, добыча воровского промысла, пишет Яковлев, составляет (у тувинцев) принадлежность лица или лиц, затративших известную долю труда. Но если случайный встречный или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет „южа“, то добыча поступает целиком или значительной частью в пользование этого случайного встречного... И со словом „южа“ первый встречный волен отобрать добычу, за которой другой гнался несколько дней. Преступивший сказанный обычай подвергается определенному наказанию по суду 40—60 ударов палками» (Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины реки Енисея, Минусинск, 1900, стр. 66—67. См. также Ф. Кон, Собр. соч., т. V).

*tag ēzi tarunča — хозяин горы сердится. См. такое же воззрение у тувинцев: «Все земное находится, по старому представлению тувинцев, под особым покровительством духа неба и земли — ‘оран телегей’. Звери в лесах, рыба в водах, все это скот ‘оран телегей’, поскольку он допускает того или другого человека к убиению из своего стада, постольку он покровительствует этому человеку... И так, на промысле за дикими произведениями природы: зверем, рыбою, кореньями..., трудовому началу не отводится значительной роли, руководящая роль принадлежит случаю, а следовательно благоволению божества: „тебе оран дает, а ты почему не даешь; сегодня тебе дал, завтра мне даст!“» (Яковлев, назв. соч., стр. 67).

Текст 69

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

qaşuγanpaγ. — Гоним охотились на марала, оленя, козулю и лося. Животное гнали на лыжах по глубокому снегу или по насту до тех пор, пока оно не падало в изнеможении на снег, и убивали палкой от лыж или закалывали ножом. Лося старались убить из ружья. В прежние годы дикие козы подходили к самому улусу Томазак; коз гнали или на лошадях, когда снег не был очень глубоким, или на лыжах. Точно так же, заметив след козули в тайге, охотник гнался за нею до тех пор, пока она, обессилев, не падала. Охотник убивал замученное животное палкой (kürçek, kürek). Гоняли на лыжах по рыхлому снегу лисицу, гоним охотились на росوماху и рысь.

edin terege şuγar kel — в шкуру обернув. Прообраз волокуши — sörtke, в которую охотники завертывали добычу, а также везли на промысел продовольствие и охотничье снаряжение.

tarqaγ et — букв. найденное мясо.

paγa ими sajuγ — сеть на выдру. На выдру охотились в тайге и зимой и летом. Ее убивали из ружья, подкараулив у прорубей, в полыньях рек (зимой). Напав на след выдры, ставили самострелы и капканы (летом).

Коллективно в осенний период охотились на выдру сетью ‘paγa’. Выследив с собаками выдру, ставили на речке две загородки. Одна загородка была сплошной, в другую, которую устраивали ниже первой по течению реки, помещали сеть-рукав (paγa). Один из группы охотников вставал около сети, другой (с ружьем) у верхней перегородки, остальные двигались по берегу, ударяя по воде палками. Выдра бросалась вниз по течению и попадала в сеть; если она плыла вверх, то ее убивал охотник у верхней перегородки; если же она выходила на берег, ее хватили собаки или убивали идущие по берегу. С сетью охотились на выдру и вдвоем.

Текст 70

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Бельсу — приток р. Томи в ее верховье; pel suγ — таймень-вода, таймень-река, т. е. река, в которой водятся таймени.

engenerde ~ engennerde; см. также uγanarda ~ uγannarda.

Человек, который хоть один хвост белки от товарищей утаит, нехороший человек. — Утаить пушнину, добытую при артельной охоте, считалось позорным поступком для шорца. Этот рассказ отражает обычай шорцев, связанный с первобытно-общинными отношениями в охотничьих артелях, а именно равный дележ добычи, независимо от выполняемой работы. См. о том же у алтайских тюрков: «По окончании промысла артель производит раздел добычи, т. е. шкурок, поровну на каждого участника артели, вообще на каждое ружье, и в этом отношении инородцы, отправляясь на промысел лет с одиннадцати, сразу же получают полный пай. На вычные лошади, вывозящие продукты из тайги, никакого пая не идет. В раздел идет сама пушнина добытого зверя, или предварительно продают пушнину и затем делают деньги» (Швецов, назв. соч., т. I, стр. 98).

Текст 71

(Род Шор, р. Кондыма, ул. Осинники)

satyş-čörseγner — торгую ходили. Торговля была основана на местном посредничестве. Шорские торговцы получали кредит у русских купцов и им же сдавали выколачиваемую самым хищническим способом (обвешиванием, спаиванием и т. д.) у своих сородичей пушнину и орех. Ядринцев пишет: «Около Кузнецка есть весьма зажиточные татарские селения и даже богачи из татар, усвоившие русский комфорт. Свои состояния они приобрели благодаря торговле и посредничеству с отдаленными и более чуждыми инородцами лесов» (Сибирские инородцы, стр. 93). См. у Адрианова: «Инородцы жители Осинников, богатство которых исчислялось десятками тысяч, уже не промышленяют, а скупают пушнину через своих агентов, разбросанных в разных пунктах черни» (стр. 318—319) и у Вербицкого:

«Между инородцами, как и везде, есть богатые и бедные. Последние одолжены первым и находятся у них в качестве приказчиков. Все, что добудет бедный инородец, сбывает своему богатому собрату, весьма за умеренную цену, а этот уже доставляет своему танышу — приятелю из купцов также с небольшой пользой». (Алтайские инородцы, стр. 17). Также у Швецова: «Вообще в эту горячую пору (во время добычи ореха) происходит усиленная деятельность как среди самих орехопромышленников, так и среди скупщиков продуктов промысла — многих мелких и крупных торговцев. Последним приходится готовиться к промыслу, пожалуй, даже энергичнее, так как для них период орехового промысла является самым серьезным моментом коммерческих операций: им представляется собрать долг с должников, проехать всю чернь вдоль и поперек, и прежде всего заготовить для промышленников весь необходимый для него товар, и действительно в чернь свозятся громадные запасы товаров, начиная с мелочных предметов, ножей, обуви и проч. и кончая партиями живого рогатого скота, пригнанного на убой» (стр. 24).

tavaḡ — ст. русского слова товар. Товаром шорцы обычно называли покупную материю.

amnat ~ abanat. О долгах см. у Юхнева: «В черневой части (у северных алтайцев) белку берут больше „подрядную“, т. е. когда на год под будущую добычу промышленник берет деньги и товар. Наезжие торговцы появляются в ноябре месяце и задают промышленнику все необходимое... Нужно не забывать, что такой торговец, по его собственному показанию, должен в то время, когда рассчитывается за старый долг, и что такое дело идет из года в год» (стр. 109, 33).

quzuq alšepner ~ alšapnar. Ореховым промыслом по данным 1900 г. было занято 31.5% хозяйств на р. Мрассу и 28.2% — на р. Кондоме. (Миротворцев, ук. соч., стр. 25; Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 319). Орех попадал в руки скупщиков и вывозился из тайги в большом количестве. Он шел почти целиком в уплату долга. «Мед и орехи при всем их обилии в иной год не служат для инородца пищевыми средствами — они составляют собственность кулаков скупщиков из своих же инородцев или русских, которые вперед зададут товар или деньги под орех, мед и воск и потом уже их взыскивают» (Адрианов, там же, стр. 309). «Звериные шкуры и орехи кочевые инородцы, по заведенному издавна порядку, сдают своим зажиточным собратям по обоюдному условию, а те привозят и продают уже торговцам в Кузнецк» (Журн. МВД, 1858, V, стр. 16; см. также Адрианов, стр. 318).

sadyḡsū — речь идет о торговце Н. Куртугешеве в улусе Осинники. «Эту деревню, т. е. Осинники, знает вся чернь, потому что находится у нее, т. е. у торговцев этой деревни, в кабале; из года в год чернь работает и промышленляет на осиновских богачей, которые задают своим крещеным и некрещеным сородичам деньги под будущий урожай ореха по 60—80 коп. за пуд с тем, чтобы за каждый недоставленный пуд орехов в срок в будущем году доставить два; чаще всего и охотнее всего дают в долг не деньги,

а такой ходкий у инородцев товар как водка, табак, порох и пр., разумеется по баснословной цене... Подобно орехам покупают мед, воск, белку и вообще звериные шкурки и с такой же неустойкой» (Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 174).

Адрианов следующими словами характеризовал шорских баев — торговцев: «Теперь он забыл об интересах, общих его роду, и знает только свой интерес, свое богатство, основанное на обирании своих собратьев... Сбывать в тайге низкопробную водку, задавать товар под орех, пушнину, мед и воск и скупать их за бесценок или брать двойные неустойки, промышленлять хищническим золотом — сделалось любимой его профессией. Он так сдружился с русским торговцем, что составляет с ним компанию, союз для обирания сородичей, служит ему переводчиком, помощником и самым надежным посредником, знающим обычаи страны. В крещении он нашел средство избежать кары за преступление, — он крестится, когда это выгодно ему» (Кузнецкий край, стр. 299—300).

Текст 72

(Род Четибер, низовье р. Мрассу)

aštašapnar — голодают. Особенно тяжелым был для таежного шорца период весны, когда жалкие запасы хлеба, полученного с крошечных пашен, а в большинстве взятого в долг от скупщика под пушнину и орех, истощались и когда кандык и другие дикорастущие растения еще не появились. См. у Вербицкого: «У многих инородцев к весне не остается ни муки, ни ячменя и они питаются тогда единственно только корнями полевых лилий кандыка и сараны» (Зап. за 1863 г., Прав. обзор., 1864, стр. 148).

raḡ aḡa kelšep. — Скупщики старались приехать сами или прислать своих приказчиков как раз к моменту возвращения промышленников с добычей из тайги, чтобы захватить пушнину. См. Юхнев, Горный Алтай, стр. 35: «Ему (промышленнику в тайге) не нужно везти продукт домой, потому что легче и удобнее сбыть его здесь же на месте промысла. А если ему понадобится даба, хлеб, свинец, все это доставит тут же более предусмотрительный человек, который задолго до выезда в чернь объедет все аулы и селения и снабдит инородца необходимыми продуктами. Под будущий урожай он даст ему денег, а если инородец откажется, будет предлагать и навязывать до тех пор, пока тот не соблазнится всеми выгодами этой простой операции. А затем он приобретает над ним те громадные права, которые навсегда закабаляют его в руки этого всемогущего царя глухой тайги».

amnatqa cūššep ~ tūššep — в долг попадал. См. у Миротворцева: «Благосостояние первых, торговцев низовья р. Мрассу, всецело создано эксплуатацией последних, охотников верховья этой реки. Первые — торговцы-кулаки, вторые — вечные должники-покупатели» (Южн. часть Кузнецкого имения, стр. 26).

Текст 73

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

rajlanar ~ rajlaṭanar. — См. у Ядринцева, назв. соч., стр. 94: «В торговлю кинулись зажиточные крестьяне и кузнецкие оседлые инородцы, нажившие богатства. В Кузнецком округе эти торговцы татары, крещенные и некрещенные, заменяют русских торговцев, не уступая по жадности и бесцеремонности наживы самым отчаянным кулакам».

Текст 74

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

čatčayan ~ čatčatqan.

aṭa iṣ-re. — Задолжавшие охотники, будучи не в силах расплатиться с богачом, должны были отрабатывать долги. Они работали в хозяйстве богача, на ряду с его батраками.

Текст 75

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

ragys — русск. барыш. Как правило, торговцы за данную охотнику в долг вещь получали значительно дороже ее стоимости. Кроме того, богачи давали деньги под ростовщические проценты. Особенно часто охотники прибегали к займам в наиболее трудную минуту — уплаты ясака. Были богачи, которые уплачивали ясак за всю волость и таким образом закабляли охотников, присваивая ежегодно их труд. Вербицкий следующими словами характеризовал этих торговцев: «Общий их порок — лихоимство, без больших процентов не ссудят бедного» (Христ. чтение, 1862, стр. 553).

Текст 76

(Род Четибер, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

tomazaqtuṇ rajlaru — богачи ул. Томазак, т. е. Мысков. В этом улусе, как и в соседнем улусе Красный Яр (qyzuṭ čar), было несколько очень крупных богачей (напр. Тодышевы). Об этих богачах Радлов писал (Aus Sibirien, Leipzig, 1884, стр. 348): «Большая часть жителей Красного Яра занимается торговлей. Эти торговцы ведут торговлю скотом и товарами в верховьях реки Мрассу, богатство этих селений свидетельствует о том, что торговля эта выгодна».

tom-azaq — букв. нога Томи; azaq — место, где что-либо кончается; ср. artyuṭ-azaṭṭ 'конец переката и начала плёса на реке'.

tanyš kižilerge — приятелям, знакомым людям. Торговцы (купцы) гор. Кузнецка (реже Томска) сами не ездили в глубь тайги. Они имели в ближайших к Кузнецку шорских селах (прежде всего в Абинцах) приятелей-танышей. Они давали этим своим танышам товары, которые те, проникая в самые отдаленные углы тайги, и обменивали на пушнину и орех. Затем, когда эти таныши сами наживались на этих торгово-посреднических операциях, обосновывались в своих селениях как 'баи' или даже как 'кожайын', они продолжали свою ростовщическую торговлю уже при помощи своих танышей или работников. Каждый богач обыкновенно имел в тайге свой определенный район, где он скупал пушнину у шорцев или сам или при посредстве своих родственников или приятелей-приказчиков. См. у Вербицкого, Алтайские инородцы, стр. 17: «Обороты (торговые) происходят следующим образом: осенью таныши являются к своим купцам с боченком вина и после благожеланий с обеих сторон распивают его, без чего никаких операций торговых здесь не бывает и быть не может. По угощению купец ведет танышей своих с их женами и детьми в свою лавку. Таныши набирают товар, какой поглянется, каждый от 100—300 рублей серебром, укладывают во вьюки, заходят опять в дом к купцу, справляются с боченком, и на прощанье, кроме товара, еще получают денег по 50 рублей и более, смотря по состоянию, для собственных оборотов. Чем проще купец держит себя в обращении с инородцами, тем более у него танышей, а чем более последних, тем успешнее идет его торговля. Таныши, возвратясь в свои кочевья с деньгами и товарами, раздают и то и другое своим приказчикам в долг же. Между тем время идет, вот высыпает и снег, шубка на каждом звере делается пушистее и ценится дороже...» Многие шорские торговцы уже не довольствовались торговыми связями с Кузнецком и Томском и сбывали скупленную пушнину на ярмарках в Ирбите.

tük maṭ — букв. пушистый или шерстистый скот.

qalṭanu ajmaq — последний улус, т. е. улус наиболее близкий к месту промысла. До последнего улуса охотников и их припасы часто довозили на лошадях, туда же обычно ездили встречать охотников. Там же собирались скупщики, чтобы во-время захватить охотника с пушиной, спонить его и забрать у него на месте за бесценок пушнину. Нажившиеся торговцы собирали сами пушнину обычно только из ближних районов. Они рассылали по тайге своих работников, которые за нищенскую оплату должны были рыскать по тайге и перехватывать охотников на таежных тропах, чтобы успеть забрать за долг их пушнину прежде чем те попытаются сдать ее «чужому» богачу. Богачи посылали также собирать пушнину приказчиков (на процентах), своих танышей, которых снабжали деньгами и товарами. Такие пустившиеся в посредническую торговлю шорцы часто разорялись предприимчивым и ловким баем, который при их возвращении сбавлял цену, назначенную при их отправке. Из числа этих же посредников вырастали новые эксплуататоры.

Текст 77

(Род Карга, ул. Сага, р. Мрассу)

qurğustar — киргизы.

С киргизами с давних пор приходилось сталкиваться шорцам. Киргизы считали шорцев своими данниками-киштымами. «А киргисские же князьцы, говорится в акте от 1643 г., сказали кузнецким служилым людям, что мрасские и кондомские ясашные люди — киштыми их киргизские... и пришли де к ним кормиться» (Ивн. Кузнецов. Исторические акты XVII столетия. Материалы для изучения Сибири, 1890, стр. 8). И, действительно, шорцы принуждены были уплачивать киргизам албан — дань и терпели от них жестокие притеснения. Так, Миллер в 1750 г. писал: «Кузнецкие татары не знали еще над собой никакой чужой власти и жили в природной своей вольности, кроме что иногда киргизы, яко хищный народ к их жилищам подъезжали и тогда сие татары откупались у них подарками... для освобождения себя от полону или от горшего еще злоключения» (Описание Сибирского царства, СПб., 1750, стр. 417). Но у киргизов и шорцев был общий враг — царское правительство, против которого они объединялись. Так, отрядам казаков, отправляемым за сбором ясака к кузнецким татарам, приказывали: «Учините крепость, чтоб кузнецкие люди, с киргизскими людьми соединясь, служилых людей не побии» (1610). Исторические известия неоднократно упоминают о совместных действиях кузнецких татар-шорцев и киргизов, заинтересованных в судьбе своих данников, против русского правительства. В донесениях 1610 г. говорится: «И велели де, государь, им (кузнецким татарам), киргизские люди о том весть учинить себе, как твои государевы служилые люди придут в кузнецкие волости для твоего государева ясаку, а киргизские де хотят быть с ними по вестем в кузнецы и, с кузнецкими людьми соединясь, хотят побить заодно твоих государевым служилых людей» (Миллер, стр. 421—428). Эти совместные оборонительные действия часто переходили в открытые нападения на русские крепости. Так, «государевы изменники, киргизские и ясашные люди... и кузнецкие люди приходили войной на Томск в 1614 г.» (Миллер, стр. 451).

saɣaɣ ɕanpaɣ — из страны Сагая. Имеет значение: сагайцы и сагайская степь.

köbür suɣ — букв. уголь-река, угольная река.

tajaɕ ~ tajys — букв. мелкая (река), приток р. Кобырсу.

tura — изба, город, tura; aba tura — называли шорцы в прежнее время город Кузнецк (Сталинск).

Saɣa — улус на берегу р. Мрассу выше устья Анзаса (saɣa — широкая площадь берега, которую огибает река, косогор).

maɣ-quɕ — скот-птица, в значении: весь домашний скот. Ср. aɣ quɕ — зверь-птица, промысловые звери, добыча.

qurğustar šyqqan ɕabal qaɣa. Названия некоторых местностей в горной Шории связаны с пребыванием там или с набегом туда киргизов. Так, в верховье Томи есть болотистое место, которое местные шорцы называют qurğustar ködrezi — болото киргизов. По р. Кобырсу, недалеко от ее впадения в р. Мрассу, шорцы рода Кобый, указывая на тропинку между горами, называют ее qurğys šyqqan ɕoɣ — путь, по которому шли, поднимались в гору киргизы.

Текст 78

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасс. авт. обл.)

aqqys ~ aqsys ~ asqys — название реки, впадающей в р. Абакан.

Текст 79

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

Этот рассказ указывает на давность земледелия в тайге. Упоминания о земледелии имеются и в исторических актах. См., напр., донесения 1622 г.: «А около Кузнецкого острогу на Кондоме и Бр... се (Мрассе) реке стоят горы каменные великие, и в тех горах емлют кузнецкие есашные люди камень..., а живут они в горах, а на горах растет всякий лес и тот лес расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю» (Сборник Хилкова, СПб., 1879, стр. 191). О земледелии у шорцев см. у Вербицкого: «Хлебопашеством занимаются мало и допотопным образом: роют землю абылом, вроде закругленной мотыги; сеют пшеницу и ячмень. Уборка этих хлебов производится так же, как и льна: растение выдергивается с корнем. Собранный хлеб связывается у колосьев в небольшие пучки...» (Зап. за 1861 г., стр. 27); см. также Риттер, Дополнения, стр. 486—487; Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 194, 195, 316; A. Radloff, Aus Sibirien, стр. 300; Миротворцев, Южн. часть Кузнецкого имения, стр. 18—20 и др. Земли (склоны гор), годные для пашни, принадлежали всему роду, пользовались же ими отдельные төл'и этих родов и позднее индивидуальные семьи. См. у Вербицкого: «Несмотря на то, что женатые члены семейства живут каждый в своей юрте, каждый располагает своею полосой, засеянной ячменем, для насущного пропитания» (Зап. за 1864 г., Прав. обзор. за 1865 г., стр. 155; о том же Radloff. Aus Sibirien, стр. 357).

tapturɣ — заставляя найти (хлеб). См. исторический акт, относящийся к 1675 году: «Были во всех волостях на Кондоме реке... белые калмыки и из ясашных людей имали на себя алманы ячменем и соболями и всяким зверем и железом и кожами красными» (Дополнение к актам историческим, т. VII, стр. 332); также шорское предание, согласно которому живший около горы Каракуш князец Аржан, владевший двенадцатью волостями,

платил джунгарскому или ойротскому хану ман железом и толокном ячменным (Вербицкий. Зап. за 1865 г., Пр. обозр., 1866, стр. 74).

цһан — берестяной чан, куда складывают хлеб на зиму. Шорцы часто оставляли на зиму зерно на пашнях, сжигая его в берестяные чаны, поставленные на деревянных помостах.

šejne ~ šendi bažu ~ šeңe ~ šeңme ~ šegene — пион (*Paeonia anomala*).

małtyrҕan || pałtyrҕan — борщевник (*Heracleum*).

Между прочим, эти растения употреблялись в пищу вплоть до Октябрьской революции бедными шорцами. См. также у Вербицкого, Алтайские инородцы, стр. 15: «Люди бедные в летнее время питаются одними только кореньями и травами, кандыком, сараной, корнем *Paeonia anomala*, борщевником *Heracleum*, травой кежуне (вроде дягиля) и колбою (*Allium ursinum*)».

Текст 80

(Род Кобый, ул. Анжуль, Хакасск. авт. обл.)

Легенды об уходе киргизов в связи с появлением деревьев существуют в большом количестве и у абаканских тюрков. (Ср. Катанов, Алф. указ., стр. 6, 26.)

Текст 81

(Род Кобый, р. Кобырсу)

qobuydaң. — Кобый является одновременно и названием рода и названием территории, им занимаемой. Род Кобый, как и другие роды южной части Горно-Шорского района, где сохранилось значительно больше пережитков родового строя, был расселен в основном на одной определенной родовой территории, по реке Кобырсу. Ср. у Адрианова: «Каждый род занимает какой-либо район, и если занимает место обитания другого рода, то только отдельными семьями» (Путеш. 1881 г., стр. 325) и у Георги: «Каждое колено живет особо и в своих собственных рубежах» (о кузнецких татарах в 1799 г.; ук. соч., стр. 141). Часть этого рода живет и в Таптыпском районе, в юго-западной Хакасии. Между прочим, среди сагайцев имеется также род Кобый. Управа, позднее волость, в ведении которой находились члены рода Кобый, сохраняла родовое название Кобыйская.

tuш — русское слово дума. Рассказы об общих «думах» шорцев и абаканских тюрков являются воспоминанием о былых тесных взаимоотношениях между населением тайги и их соседями — степняками.

Текст 82

(Род Кобый, ул. Анжул, Хакасск. авт. обл.)

töö — приток реки Абакана.

paštyq от paš — голова; pašta — руководить, начинать, предводительствовать. Должность паштыка, бывшая некогда выборной, ко времени русского завоевания стала уже наследственной (с 1880 г. стала вновь выборной). Некогда весь род (все взрослые члены) выбирал паштыка, руководствуясь его личными качествами: умом, ловкостью в звероловном промысле, опытом, красноречием и т. д. Паштык был «защитником интересов и кровных нужд рода». Некоторые подробности выборов паштыка, сохранявшиеся еще в конце XIX и нач. XX века (Кобыйский šon), указывают на былую свободу выборов, на избрание всеми наиболее опытного и уважаемого сородича. Выбирать, назначать паштыка — paštyq tudarҕa букв. означало: хватать, держать паштыка. На собрании всего šon'a (в данном случае рода Кобый) называлось имя кандидата. Кандидат должен был долго и настойчиво отказываться и называть имена более достойных кандидатов. Если же собрание настаивало, он должен был бежать. Все бросались за ним, догоняли. Каждый должен был ухватиться за него. Тогда кандидат опять долго отказывался. Толпа кричала и не выпускала избранника. Тогда избранный, видя, что «все держатся за паштыка», кланялся и говорил: «še, andıg rołyanda šonniң ušun ištejin! — ладно, коли так, то послужу я за народ!» Царское правительство постаралось сделать из паштыков своих чиновников. Им были поручены сбор ясака и разбор мелких судебных дел. Паштыки, с тех пор «родовые только по названию» (Миротворцев, 13), наживались на сборе ясака, на судебных взятках и т. д. Освобожденные от уплаты ясака, обслуживаемые даровым трудом своего šon'a, они сомкнулись как с русскими чиновниками, так и со своими торговцами, стали эксплуататорами своих сородичей. (См. царскую грамоту Кузнецкому воеводе Федору Баскакову, о пожаловании мрасского улуса татар Кунестея Изерекова князем, а Карачая Ишлычакова ясаулом, за их службу. Акты исторические 1842, кн. IV, стр. 148.) О паштыках этого периода, эксплуататорах и угнетателях своего народа, писал Адрианов в 1881 г.: «Башлык потерял прежние прерогативы и сделался орудием в руках русской земской власти; звание башлыка или, попросту, старосты, не наследственно теперь, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом не самостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника. Башлык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа» (Кузнецкий край, стр. 294). Когда миссионеры стали распространять свое влияние на Кузнецкую тайгу, паштыки оказывали на первых порах им упорное сопротивление. (См. у Вербицкого: «Старшины просят от крещения народ их освободить», Зап. за 1869 г., Душепол. чтение, 1871, № 7.) Миссионеры добились отмены наследствен-

(паштык) Ебога со своей волости алману за 7 не отдавал, и бегают от них (калмыков) со своей волостью» (Г. И. Потанин. Материалы для истории Сибири. М., 1867, стр. 67, 86, также в рапорте 1745 г., стр. 86).

tebir (temir) — железо. Исторические известия и остатки рудных разработок говорят о добыче и обработке руды, широко практиковавшихся в прошлом в кузнецкой тайге. Так, в сибирских летописях, в актах и донесениях XVII и XVIII вв. указывается: «Вверх Томи же реки острог Кузнецкий, тамо варят железо, железо же земли тоя добро» (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1769, стр. 403). «Пленный поляк, возвращенный из Кузнецов, поведаши ми чудеса об обилии железа доброго у оных людей, кои постоянно и искони недаром добыли себе это имя и зовутся Кузнецы. Он рассказывал, яко тамо живут некие пугливые и странные люди народа татарского, Кондобская и иные некие орды. Копают железо и куют железные горны, котлы, меденики, малые и великие. Како коли кто запросит, хотя бы по величине самую большую кадь, а куют за малу цену: дай ему ячменя мех и он тебе даст железен горн или меденник. А железо оно есть предне добро» (Русское государство в половине XVII в., рукопись времен царя Алексея Михайловича, открыл и издал Бессонов, М., 1860, стр. 60).

Железо с кузнецкого Алатау шло в уплату дани киргизам и калмыкам: «а теми кузнецкими людьми всеми, говорится в донесении, владеют колмацкие люди, ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным» (Сборник Хилкова, стр. 191).

Посланцы русского царя также забирали в ясак железные изделия. В донесениях сообщается: «На 148 год кузнецкого уезду с ясачных людей взято за двадцать за девять соболей лук телеской, шапка, да двадцать один таган железный и оставлены в кузнецком остроге» (Акты исторические, т. III, № 216, стр. 374).

Способ выплавки руды был и оставался до конца XVII и половины XVIII в., времени полного прекращения добычи железа, крайне примитивным: «кузнецы же словут, потому что ясачные люди государственные тамо живут по берегу Томи реки и иных тамошних рек, трех терсий камней берут и жгут, плавят железо и куют вместо наковальни на камени ж, а железо то кузнецкое и уклад велми добр и мягко железо аки свинец». (А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 76, также: Сибирские летописи. Описание Сибири. Изд. Арх. Комиссии, 1907, № 382). См. о примитивном способе обработки железа: (на р. Кондоме) — Gmelin, Reise durch Sibirien. Göttingen, 1751, т. I, стр. 286; (на р. Томи) — Георги (1799), ук. соч., стр. 163. Кузнечество существовало у шорцев наряду с охотой и мотыжным земледелием. См. Георги: «Промыслы их состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и землепашестве» (стр. 162); Риттер: «Главный промысел их был звероловство и плавка железа» (по рук. Плаутина, 1745 г., стр. 486).

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

Крылья делили. Легенды о дележе перьев орла или беркута известны и у других шорских родов. Спор при дележе орлиных перьев отмечен также в sögüš — насмешках над отдельными родами. См. также Вербицкий, Словарь, стр. 158, о роде: Кый «qujqcyn čügüzün talažur, qujlar kečim alytyn ɣa kirgen — споривши об орлиных перьях, кыйцы забились под кичим». (Ср. песню тувинцев: «Как на макушке гнилой лиственницы осталась твоя стрела, снабженная орлиными перьями». Катанов, Образцы, IX, стр. 16.) Фишер упоминает об орлиных перьях, как составной части албана, взимаемого чжунгарами: «Контайша... в 1841 г. (на барабинцев) наложил несносную дань, ибо с каждой семьи требовал... и по несколько орлиных перьев на опушку стрел»; в рапорте 1745 г. доносится: «А того де алману платят они повсягодно с каждого человека по одной лисице, а буде лисицы нет, по одному речному бобру или по полкожи красных, а буде и того не имеется, то по 20 стрел без перьев и к ним для опушки по 5 крылов орлиных». (Потанин. Материалы для истории Сибири, стр. 64, и Сибирская история, СПб., 1774, стр. 441; ср. также Томские губ. вед., 1859, № 13); ср. легенды сагайцев. — Катанов, ук. соч., стр. 581, 585.

qarɣa — букв. ворона, тотемное название рода. Род Карга живет в основном в Усть-Анзасском сельсовете по реке Мрассу и ее притоку Анзас. Карга является одновременно и названием рода и названием территории, им занимаемой, и названием волости. Волости, образованные при административном делении Кузнецкого округа, в большинстве своем совпадали с родовыми делениями (к волости приписывался род со своим паштыком или, реже, часть рода). Были волости, состоящие из двух родов, и волости, образованные из частей родов. См. у Адрианова: «Некоторые волости совпали с родовым делением... Другие волости раздробили поколения инородцев и составились из частей нескольких родов». (Кузнецкий край. Живописн. Россия, XI, 294; Путеш. 1881 г., стр. 336.) «Все черневые волости Кузнецкого округа, — пишет Вербицкий, — носят два названия, официальное и народное, напр. Итиберско-Шерогашевская — Каларская (род Калар), Карачерская-Шорская (род Кара-шор), Мрасско-Изушерская — Таяжская или Тажаская (род Таяш)». (Зап. за 1862 г. Прав. обозр., 1863, стр. 149, 157 и др.). Čon (на р. Мрассу, на р. Кондоме — qalan) — волость управлялась паштыком. Дела čon'a (выборы паштыка и есаулов, споры и тяжбы, раскладка ясака и т. д.) решались на собрании čon'a (čylyg), устраиваемом летом (июль), на котором присутствовали лишь мужчины, члены рода или родов, входящих в состав čon'a. (О собраниях čon'a по поводу сбора ясака см. Адрианов, Путеш., 1881 г., стр. 337; Вербицкий, Записки миссионера за 1867 г., стр. 9.) Принадлежность к čon'у определялась не местожительством лица, а принадлежностью к роду, входящему в состав čon'a (подчинением паштыку). Čon'ы существовали до 1912 года и были

заменены волостными управлениями, которые объединяли несколько прежних родовых *сопов*.

sajın qarǵazy polup čada, bergenner — букв. став водяными Карга,
жить стали.

Три брата на три стороны расселились — в этой легенде отражен процесс почкования и деления родов.

Текст 87

(Род Карга, р. Тöö, Хакасск. авт. обл.)

См. подобные легенды у абаканских тюрков (Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Зап. по отд. этнографии РГО, 1909, XXXIV).

Текст 88

(Род Кобый, ул. Анджул, Хакасск. авт. обл.)

ordo taḡdaṇ šyqtyḡar — вышли из горы Ордо. По шорским легендам, предки некоторых родов произошли от гор. В некоторых легендах говорится, что эти предки росли в медных колыбелях, находящихся в горах. В этой связи интересно отметить, что многие шорские предания описывают смерть родовых предков и знаменитых богатырей как уход в горы.

Текст 89

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Аҗабей — по одним рассказам был предком рода Кобый, по другим — предком рода Кызай.

qalṭaḥ — плёс на р. Мрассу ниже ул. Сага.

tebir qujaq — железный панцырь, кольчуга. Как в легендах, так и в героическом эпосе, постоянно упоминается tebir qujaq. О куюках же говорится и во многих исторических памятниках XVII и XVIII вв. Так, томские казаки в 1700 г. сообщали начальству: «Араптана контайши люди, киргизы, телеуты, черные калмыки нападают на Томский уезд человек тысячи по 3 и болши и менши с ружьем, с пищальми, с коньми и с сайдаки и с сабли, в пансырях и куюках и иных воинских доспехах» (Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. V, 1882, стр. 2). О том, что коренное население северного Алтая умело выделывать оружие из железа и являлось поставщиком этого оружия, имеется ряд указаний. Еще на рубеже XVI—XVII вв. (1604 г.) томский князец указывал московскому царю на то, что «в Томской вершине живут 200 человек кузнецов, а делают доспехи и железа стрельные и котлы выковывают» (Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. III, стр. 214). Кузнецкие люди были при-

нуждены снабжать киргизов и калмыков некоторыми видами оружия, в том числе и куяками. Так, в акте от 1714 г. говорится: «В прошлом в 1713 г. во всех ясажных волостях с ясажных татар велел он Манзу готовить на кентайшу алман всякому человеку по 30 полиц куяжных да по 30 стрельных железков, по 2 горшка железных по наковалну, по 2 молота, да по клещам» (Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 319). Русское правительство прекрасно учитывало всю опасность такого снабжения, с другой стороны оно не прочь было само воспользоваться подобного рода оружием. Из Кузнецкого острога сообщали начальству: «Колмацкие люди опричь кузнецкие земли никакого оружия купити не добыть негде» (Сборник Хилкова, стр. 192). А в наказе воеводе Евдокиму Баскакову 1662 г. предписывалось: «Кузнецких и ясажных людей всех привести под государеву царскую руку и ясак имати на государя соболями и всякую мягкую рухлядь, и шеломами и рогатинами и саблями, кому чем мочно ясак государю давать; а колмацким бы людям отнюдь ясаку давать не велеть и с колмацкими людьми торговати им опричь соболей, железом, шеломами и панцырями и рогатинами и саблями не велети» (Сборник Хилкова, стр. 194).

alabej ijgi tyryayyn šayyštyryanda, ottuḡ šayyn šyyp oduryan. Интересно, что получение огня связано с предком. Этот мотив несомненно генетически связан с легендой о получении огня от птицы (см. №№ 54, 55), вероятно, тотемного предка. Между прочим, роды Кызай и Кобый приписывали своему предку и появление ячменя. В одной из легенд рода Кобый по этому поводу говорится, что у их предка Тебир Кириш'а (букв. 'железная тетива') из пупа вырос колос ячменя и отсюда их род впервые получил зерно. Легенды также рассказывают о том, как люди родов Кызай и Кобый дали своим соседям (живущим выше по течению р. Мрассы) зерна ячменя и научили их высекать огонь. До того люди Кый питались сараной, кандыком и сырым мясом диких животных.

Текст 90

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Другой вариант этой легенды записан у рода Кобый, төл'я Шулбаевых, в верховье р. Кобырсу.

šulbaj — с именем Шулбая связана фамилия төл'я Шулбаевых, принадлежащих к роду Кобый.

uqanarda ~ uqqannarda.

šenerinde ~ šennerinde.

kelgenerin ~ kelgennerin.

perebis ~ pererbis.

paŋtylarynyň etteriňni syrtylarynga aňandyra şabarym — буду бить, сворачивая мясо с вашей печени на ваши спины. См. о жестокости, которую проявляли киргизы и калмыки при сборе дани, следующие места в донесе-

ниях XVIII в.: «В прошлом в 1713 году контайшина владения князец Манзу с калмыками в порубежные и подгородные волости для сбора алмана на контайшу приезжал... ясачным людям (шорам) угрожали: буде вышеупомянутого алману всего не изготовят и за что их ясачных хотели перевешать и хлебы их пожечь и о том в Кузнецку от них ясачных иноземцев есть многие избыты, а именно кондомских 3 человека» (Памятники сибирской истории XVII в., кн. II, стр. 319).

kelgebiste ~ kelgenbiste.

aŋabys ~ aŋanbys ~ aŋanmys.

undutpasym ~ undutpassym.

čoqtağ šabarğa || soŋarğa (от čoqta) — ловить рыбу, перегораживать реку во время хода рыбы. Ср. balyq soqtarça — рыба идет по реке (Вербицкий, Словарь, стр. 431: чоқтаг — рыболовная морда, чоқта — против воды следовать, итти кверху по реке, чоқта — стадо, руно мелкой рыбы). В легендах часто упоминается о том, как богатыри делают «заездки для рыбной ловли в извилинах реки». (Вербицкий, Зап. за 1862 г., Прав. обозр., 1863, стр. 157).

alam ~ alarum.

töl — подразделение рода, большая патриархальная семья, фамилия.

Род состоял из нескольких төл'ей; так, напр., одним из төл'ей рода Кобый были Шулбаевы. Төл охватывал группу сородичей (старший в төл'е, его сыновья, и сыновья сыновей), которая жила в одном месте и вела общее хозяйство. — «Обыкновенно селятся улусом, т. е. по несколько семей в одном месте родственников или близких людей из одного рода» (Адрианов, 1881 г. стр. 326; см. у Вербицкого: «Санабай живет со своими сыновьями патриархально в 4-х юртах при р. Паспачак», Зап. за 1866 г., стр. 168; у него же упоминание об аиле Якуша, где жил он сам и три его брата с семьями на р. Мундыбашеве, Зап. за 1862 г., стр. 149; у Адрианова упоминание об аиле Сатлая, состоящем из 4 юрт, где жили его родичи. Путеш., стр. 182). Төл имел свои охотничьи угодья в родовой тайге, и мужчины, члены төл'я, обычно вместе промыслили. Добытая пушнина шла в общий доход, мясо зверей составляло общий запас. Значительно позднее часть добытой пушнины стала поступать в собственность женатых сыновей, и только неженатые сыновья отдавали свою добычу отцу. Члены төл'я, мужчины, женщины и дети, совместно обрабатывали землю. Полученный урожай первоначально делили между отдельными семьями төл'я; позже каждый женатый член төл'я стал пользоваться отдельным участком для посева (см. у Радлова: «Каждому женатому сыну дается участок земли для посева ячменя, которым и питается семья, но зато отец берет себе все доходы сына от охоты и проч.», Aus Sibirien, стр. 357; также у Вербицкого: «Несмотря на то, что женатые члены семейства живут каждый в своей юрте, каждый располагает своею полосой, засеянной ячменем, для насущного пропитания, но только в этом он и полновластен, прочие же доходы от промысла и другие все отдаются главе семьи». Зап. за

1864 г., Прав. обозр., 1865, стр. 155). Управлял старший, который, при участии всех членов, делил доходы, раздавал собранный урожай, позднее — наделял участками земли, выделял женатых и т. д. Женатые сыновья жили отдельно. Каждому женившемуся ставили сообща отдельную юрту. (См. у Вербицкого: «Юрта, которую жених, по неизменному обычаю, для сожителства с молодою женою должен выстроить новую, стоит еще без чувала. Работа кипит в руках молодежи: кто носит глину в берестяных корзинках, кто убивает ее, скоро и чувал — заключение юрты — поспел», Зап. за 1864 г., Прав. обозр., 1865, стр. 154; «Обыкновенно женившемуся сыну сейчас же отводится новая юрта», Зап. за 1862 г., стр. 158.) Төл в героическом эпосе встречается в следующих значениях: 1. потомство, напр.: aq qannuñ tölüneñ aŋur čaŋaŋ öskeni par-ba; čaš köök slerdin tölge čaraçañ kiži; kümüş qan adañ tölü polyan-ma; mēñ tölümneñ töl šyqpady, aŋtyn qannuñ tölüneñ töl šyqty, ter uŋur keldim; 2. потомок, напр.: aq qannuñ tölü olayış tur aldy; qajdiğ aŋyrtuñ tölü poldu-ne; kök qannuñ töl čaŋalyp po čerge kēlča; 3. поколение, колено (отца, сына и его сына), напр.: üš tölge šyğara čügürzebis, tappassybys; aŋty tölge šyğara čattyrlar, aŋty tölge šyğara čadyp, paŋa čoq polyan; üš tölden ertize, üš tölden saptıya čaŋap, aq qan čurtaŋ; aq qannuñ čerineñ parğannañ ala ijgi tölge čedip pardym; amduŋuñ töldün alında polča, puruñu töldün sonda polča.

Текст 91

(Этот текст является заявлением, поданным в 1925 г. некоторыми жителями улуса Карчит, род Карга, Усть-Анзасского сельсовета на имя Комитета Севера. Улус Карчит был одним из самых глухих пунктов района.)

kelgebiste || kelgenbiste || kelgenmiste; ср. aŋabys.

alam || alarum.

ürgetsiner || ürgetsinner.

čatqan al — живущий улус.

pinabat — от русского слова виноват.

qam mikerdi čirča — шаман Микера ест. По господствовавшим некогда представлениям, шаман, если рассердится на кого-нибудь, может его съесть, т. е. наслать духов, которые и съедят человека. Шаманы всячески старались поддерживать в населении веру в эту их силу, что было им крайне выгодно. Шаману боялись в чем-либо отказать и избегали ссоры с ним.

Текст 92

(Род Карга, ул. Верхн. Анзас, р. Анзас)

ijgi čuŋtyzaq šyŋur aŋur — две звездочки выйдя.

Это выражение основано на том представлении, что душа во время сна отделяется от тела и отправляется странствовать. Ср. легенды абаканских тюрков, где душа выходит из человека в виде двух маленьких свечек (Катанов, Образцы, т. IX).

Текст 93

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

kızı çatpāncatqan eski ömner — старые дома, в которых не живут люди. Шорцы часто бросали юрты после смерти кого-нибудь из членов семьи.
ot köjça — огонь горит. Огни, которые будто бы видят на заброшенных стойбищах, называют üzüt odu — огонь юзюта. Полагали, что места брошенных юрт посещаются юзютами, т. е. душами умерших, а также айна, т. е. злыми духам, съевшими эти души.

Текст 94

(Род Карга, р. Анзас ул. Карчит),

Текст 95

(Род Карга, р. Анзас ул. Карчит)

sürünezi ~ süne ~ sünezi — одна из душ человека. Ср. sür — образ, изображение, привидение (Вербицкий, Словарь, 314, 313). Представления шорцев о душе, смерти и жизни души в загробном мире очень сходны с представлениями их соседей, алтайских и абаканских тюрков. См. С. Майнагашев, Представление о загробном мире у турецких племен Минусинского края. Живая старина 1915; А. В. Анохин, Душа и ее свойства по представлению телеут. Сб. МАЭ, VIII, 1929; С. Е. Малов, Несколько замечаний к статье Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеут». Сб. МАЭ, VIII, 1929.

Текст 96

(Низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

Erlük šeri — подземный мир, куда отправляются души умерших.
Причину болезни шорцы объясняли либо уходом на время души, либо вселением злого духа. В тех случаях, когда причиной заболевания, по определению шамана, был уход души, непременно требовался шаман, который должен был предпринять во время обряда камлания далекое и опасное путешествие в мир айна и, с риском для жизни, отнять похищенную ими душу. Если шаман не подоспеет во-время, душа остается у айна, и человек умирает.

Erlük — злое божество, властелин подземного мира (Анохин. Материалы, стр. 1—8).

Текст 97

(Род Карга, ул. Анзас, р. Анзас)

qan şul — кровь-река, кровавая река, река крови.
şaş şul — слезы-река, река слез. Ср. сагайское şul — река (Радлов, Словарь, III, 2175), шорское şulat. Ср. также в героическом эпосе: «слезы глаз, став рекой, текут», «слезы глаз озером стали», «пролившаяся кровь рекой становится».

paqa — рыболовный рукав, сплетенный из ниток. Осенью на маленьких речках устраивают городьбу углом. В вершину угла и ставят paqa.

paŋuq aŋparşalaŋ — ловят рыбу. По существовавшим представлениям, души умерших людей в загробном мире продолжают жизнь, подобную их земной жизни: они охотятся, ловят рыбу, пьют водку, ходят в гости друг к другу и т. д.

aŋastapça — от слова aŋas, возглас при окурировании больного огнем, а также при очищении огнем посуды, при окурировании шаманского бубна перед камланием и т. д.

maŋtyŋanaŋ || maŋtyŋannaŋ.

Текст 98

(Низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

aparaŋa || aparaŋa.
qatyşpasyn ~ qattyspassyn.
pārda ~ paraŋda.

Текст 99

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 100

(Род Карга, р. Анзас, ул. Анзас)

ozoŋat — осока (*Hermerocallis flava*), которую высушивают и запасают на зиму специально для того, чтобы вкладывать в чирки; заменяет онучи.

Текст 101

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

В связи с представлением о необходимости переправы души через рр. Чашчул и Канчул и через море юзютов существовал обычай изготовления для души плота. Еще недавно, в 1925 г., можно было наблюдать по ночам плавно плывущие, тихо покачивающиеся огоньки на р. Мрассу — огни юзютов. То были плоты, на которых сородичи отправляли души

своих умерших родственников в последний путь. Отправлять их надо поздно вечером, когда в улусах перестанут лаять собаки, так как лай собак может спугнуть души. Плот делался из дудок борщевника.

Текст 102

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу)

Обычай погребения на деревьях отмечен как у шорцев, так и у других алтайских и абаканских тюрков. См. С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, т. I, стр. 80—81. На этот обычай в свое время указывали и миссионеры. См. Записки миссионера Вербицкого за 1863 г. Православное обозрение за 1864 г., стр. 152; Записки миссионера Штыгашева. Отчет Алтайской духовной миссии за 1899 г., стр. 16. Пережитки погребения на деревьях сохранялись еще до 1925 г. В глухих районах хоронили умерших детей, особенно преждевременно родившихся, на деревьях, в деревянных срубках или завернутыми в бересту. Места таких погребений тщательно скрывались. Воспоминания о погребении на деревьях сохранились также в героическом эпосе.

Тексты 103—109

Обращения к духам или моления духам составляли в старину неотъемлемую часть того или другого промысла. Эти обращения к различного рода духам-хозяевам были крайне несложны. Они состояли из непосредственной просьбы о ниспослании удачи на промыслах, здоровья и т. д. представляли обычно импровизацию. Словесная формула была тесно связана с ритуальным действием, была неотделима от обряда. См., напр., обращение к убитому медведю во время оплакивания его (текст 106). Каждый из участников промысла мог обращаться с молитвой к хозяину воды или горы (почитаемые горы были обычно родовыми промысловыми территориями). Но были и такие, которые считались более искусными в этом деле. Сюда относятся прежде всего, те, которые способны были впадать в экстаз; их молитве придавалось особое значение, а жертва, приносимая ими, считалась угодной духу. На родовых молениях хозяевам гор и рек — *šācyg* — выполнял обряд и совершал моление кто-либо из старших членов рода, старик, хорошо знающий ритуал; только позднее, и то не обязательно, обряд *šācyg* совершал шаман (текст 104). При лечении болезней кто-либо из знающих стариков или старух совершал обряд изгнания юзюта, произнося заклинания *ałum tułā* (тексты 107 и 108). Но обращение к высшим духам, к духам небесного и подземного мира, являлось функцией уже специалистов-шаманов. Только они, с помощью своих духов, могли совершать далекие и трудные путешествия в невидимые миры и только они знали сложный ритуал обращения с высшими духами. Они обращались с молитвами также к своим духам, своим покровителям и помощникам (текст 109). Каждый

шаман имел свои молитвы и свои напевы. Шаманские молитвы обычно никто не знал и мало кто понимал. Эти молитвы — основу их — шаман получал от своих предков-шаманов, обычно от того шамана, от которого наследственно к нему перешел шаманский дар, а вместе с ним родовые шаманские духи. Но шаман усложнял эти моления, главным образом, обращениями к своим личным духам. Эти шаманские заклинания произносились во время камлания в экстазе. Отсюда их отрывистость, запутанность и сложность.

Текст 103

(Род Кобый, р. Кобырсу)

til alyš — букв. язык смешивая, беря друг у друга.

azyq pölür per — букв. запас разделив дай. *azyq* — охотничий запас — в значении добычи.

Текст 104

(Род Таяш, р. Пызас)

Это родовое моление горам и водам (*taɣɫaɣa suɣɫaɣa*) носило название *šācyg* (*šācyɫ*) — букв. кропление (от *šaš* ~ *šač* ~ *šač* — разбрасывать, кропить, брызгать, рассыпать, делать возлияния). Устраивали моления члены одного рода, позднее — целый улус (в южн. части то и другое обычно совпадало). В жертву приносили абырткы. Необходимые для жертвоприношения продукты давались от каждой семьи. Все собранное, соединенное вместе, шло в жертву родовым горам, остатки выпивались по окончании моления всеми присутствующими. Женщины, как чужеродки (принцип экзогамии очень долго сохранялся), или совершенно исключались из моления или присутствовали, но должны были стоять поодаль. См. об этом жертвоприношении у Вербицкого: «Алтаец язычник этим горным духам кланяется и приносит жертвы и устраивает празднество весенний шачыл» (Мирозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен. Лит. сб. 1885 г., стр. 39). «По вскрытию реки Кондомы кузнецкие инородцы праздновали праздник березы: наварили браги, нарядились в лучшие одежды, собрались каждый улус у одной своей заветной березы, навешали на ветви ее тряпки различных цветов и конский волос. Один из толпы, сведующий, брызгал несколько раз на березу, призывая демонов» (Вскрытие р. Кондомы. Томские губ. вед., 1859, № 30, ч. неофф., стр. 243; также: Выписка из журнала мисс. за 1859 г. Христ. чтение, 1862, № 4, стр. 846) и у С. Е. Малова: «Весной бывает у кузнецких инородцев почти в каждой деревне особое моление, называемое шашил или чачил, т. е. окропление» (Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губ., Живая старина, 1909, вып. 2—3, стр. 40).

šöök — возглас во время жертвоприношения.

Ulug, tag, enebis. У каждого рода была своя родовая гора, которой он приносил жертвы и у которой выпрашивал удачу на промысле.

рај qazuң ср. алт. рај qajuң — богатая, развесистая береза. Этот образ очень часто встречается в мифологии алтайских и абаканских тюрков. Род имел свою березу — рај qazuң, с которой связывались жизнь и благоденствие членов этого рода.

tazykug — имеющий корону. (см. т. 1, стр. 100).

tazyk — имеющий корень (om tazyk — корень).
altyn kök — Букенко, корень.

altyn kōk. — Кукушка играет большую роль в мифологии и в фольклоре шорцев. С первым криком кукушки просыпаются леса, горы и реки. Весной, после крика кукушки, шаман совершал первое восхождение к Ульгению. В героическом эпосе часто встречается среди названий героинь имя altyn kōk — золотая кукушка.

Текст 105

(Род Тарткын, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

от ene или от iсе. Хозяин огня мыслился в женском образе. К его помощи обращались во всех случаях жизни; охотники приносили жертву огню перед отправлением на промысел, при неудачах в тайге и после удачной добычи. Шаман перед отправлением в свои далекие путешествия во время камлания прежде всего обращался за помощью к хозяину огня. Женщины зывали к нему о защите их детей. Прежде старики от каждой еды обязательно уделяли долю своему очагу. См. подробно о культе огня у алтайцев: Н. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеутов. Сб. МАЭ, 1927, т. VI, стр. 63, у монголов: Н. Н. Поппе. Пережитки культа огня в монгольском языке. Доклады Акад. Наук, серия В, 1925, стр. 14.

taḡ aḡyra sūr — гони злого духа, караулящего ребенка, чтобы напасть на него.

Текст 106

(Род Кобый, р. Кобырсу)

Обращение к медведю во время совершения обряда оплакивания зверя.

Текст 107

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

üzüt — душа умершего человека, название злого духа вообще. Юзют, по существовавшим некогда представлениям, приходит к жилищам своих сородичей, стучит и пугает их; он может даже входить в человека. Обычно он входит в какого-либо родственника, который после этого сразу же заболевает. Для излечения больного совершался обряд изгнания юзюта — üzüar. Знающий обряд человек, обычно старик или старуха, окуривал больного и произносил обращение к юзюту, стараясь его изгнать. Особенно важно

было при этом узнать имя юзюта. Считалось, что знание имени юзюта дает заклинателю силу над духом; вот почему совершавший обряд перечислял по очереди всех недавно умерших родственников больного, стараясь открыть виновника болезни.

Текст 108

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

аранас — от русского Афанасий.

Текст 109

(Род Тарткын, низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

Призывание шаманом своих духов во время камлания.

qara şonma — букв. черная утка, дух-помощник шамана.

syр сyлан — букв. окрашенная змея.

рај рауа — букв. богатая лягушка, один из главных духов-помощников шамана. Обычно изображался на шаманском бубне, внизу.

тип роугазу ~ руугазу — душа-лось || конь. См. С. Е. Малов, Несколько замечаний к статье А. В. Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов», Сб. МАЭ, 1929, VIII, стр. 330.

Отрывистость, запутанность, желание запугать характерны для большинства шаманских заклинаний. Удары в бубен, хриплые гортанные завывающие звуки шаманского пения, чередующиеся с подражаниями голосам духов, с которыми ведет «переговоры» шаман, все это имело целью воздействовать на воображение слушателей, а главное — застрашать их.

Некоторые переставшие камлать шаманы рассказывают сказки, стали qajçu. Такие сказители-шаманы представляют себе это рассказывание на манер шаманского камлания. Особенно любопытно отношение такого сказочника к своему комысу, тождественное отношению шамана к своему бубну. Бывший шаман Ачибаев рода Тарткын в улусе Сыркаш говорил: «men nybaq' yscadyp, pir qarā pir kün odurarym. ödurčāt, pir-dā nebe čibessim, tapqu teze tartarym. men tur parbassym. qačen men erbektepčam, men mynda poľbānčam, men nybaq-pa pirge pašqa-pašqa čerge parybysčam. qomus čoqta men eštenmēnčam, parčynda qomuzum pelen čātča. qačen men ölzem, qomuzum mēñ-me piryoq parar. qačen ölzem, qomuzum čyjanymča saľarľar. — Когда я сказку рассказываю, то я рассказываю ее и день и ночь. Когда я сижу и рассказываю сказку, я ничего не ем, табак курю. (Рассказывая) я не устаю. Когда я говорю (сказку), я не здесь нахожусь, я со своей сказкой вместе в разные-разные земли отправляюсь. Когда нет комыса, я скучаю. Всегда комыс наготове у меня лежит. Когда я умру, мой комыс вместе со мной пойдет (в другой мир). Когда я умру, мой комыс со мной в гроб поедет».

(Низовье и верховье р. Мрассу и верховье р. Томи)

№ 110/1 кемнің муытуы... — в этих словах ярко отражена эксплуатация бедняков шорцев, лишенных основных орудий производства, богачами. Ср. у Вербицкого: «Бедняк шорец улуса Кузедеевского Михайл пришел ко мне испросить благословения на добычу зверя. Он и товарищ его, расставляя ловушки для белок, заметили берлогу медведя. Бедняки рады были бы вступить в борьбу со зверем без посторонней помощи: Ясак и хлеб был бы обеспечен; но у обоих их было только одно ружье и то попорченное. Делать нечего; пришлось позвать к себе в товарищи, с правом на равный дележ, а сами пошли с одними топорами указывать берлогу. При этом случае Михайл заметил: „Вот так то все от нас к богатым переходит.“ — Зато бедным умирать легче, — заметил я ему». (Зап. за 1861 г., стр. 1—2).

№ 110/2 кем рај ... «кто богат, тот и начальник». Непосредственными начальниками шорцев были их паштыки, которые из родовых представителей, свободно выбиравшихся всем родом, защищавших интересы своего рода, для которых их служба была служением своим сородичам, превратились в эксплуататоров, которые добивались своего избрания, используя для этого связи, подкуп, запугивание и т. д., и которые свою службу рассматривали как средство собственного обогащения. Выбирали паштыка преимущественно из богатых «уважаемых» төлө'й, если же выбираемый был недостаточно богат, то он наживался во время службы. См. у Адрианова: «В башлыки (паштыки) попадают большей частью такие лица, которые покупают заседателя ежегодными взятками. Будучи ненавистны инородцам, они крепко сидят на своих местах, обирают и ограбляют своего же брата инородца, издеваются над ним, пьянствуют и становятся недоступными» (Путеш. 1881 г., стр. 351).

№ 110/3 ріј-біле шаулазарға — кто противится начальнику, остается без ушей. Начальники — ріј всех рангов одинаково бесцеремонно и безнаказанно хозяйничали в тайге. «Самоуправление выродилось в эксплуатацию народа их начальниками волостными, которые преданы повальному пьянству, бьют инородцев, вместо разбирательства дела, обирают и разоряют их взятками и вообще никакими делами волости не занимаются; эти волостные начальники становятся язвой волости и всесильными царьками, на которых нет ни суда ни управы, так как они поддерживаются заседателями и исправниками, получающими с них исправно взятки... Вместе с писарем вводится еще один лиш- ний хищник, притом грамотный, и стало быть более опасный... Уж если вся эта мелкота так озорничает в тайге и обирает инородца, то что же сказать о „сибирских“ заседателях, исправниках? Эти являются в тайгу восточными падишахами с правом жизни или смерти над инородцем. Засе- датель ежегодно объезжает тайгу для сбора денег с инородцев; кроме того, он находит массу разных прицепок, чтоб содрать взятку, ставит на

ноги всю тайгу, останавливает все работы и проносится опустошительным ураганом, которого инородцы трепещут» (Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 336, 351).

№ 110/16 вариант:

qyjbyrzaŋ, qyr aŋarzyn,
odyrzaŋ ojda aŋarzyn.

№ 110/15 вариант:

čaqşy atqa pir qamčy,
 čabał atqa muŋ qamčy;
 čaqşy kižē pir sös,
 čabał kižē muŋ sös —

хорошему коню одна плеть,
худому коню тысяча плетей,
хорошему человеку одно слово,
скверному человеку тысяча слов.

Текст 112

(Род Карга, ул. Акколь, низовье р. Мрассу)

aq pačat — белый Бачат. Малый и большой Бачат — реки, по которым живут телеуты. Эпитет белый, чистый, указывает, что в данном случае имеется в виду степь. Ср. qara čuř — черная тайга.

Текст 113

(Род Шор, ул. Березовая грива, переселенцы с р. Кондомы)

Текст 114

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Тексты 115—117

(Низовье р. Мрассу, ул. Себирги)

Тексты 118—119

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Текст 120

(Род Челей, ул. Корай, верховье р. Томи)

Текст 121

(Род Четибер, ул. Сыркаш, верховье р. Томп.
Второй вариант — ул. Корай, верховье р. Томи)

Тексты 122—129

(Род Челей, ул. Сыркаш, верховье р. Томи)
Другой вариант:

qumaqqa ösken xuba tał
qubarbaçañ połza-če!
sasqa ösken saryg tał
sarğarbaçañ połza-če!
qajrañ çağşy pozybys
qunañmaçañ-da połzabys!

На песке выросший бледный тал
Не засыхающим если бы был!
На болоте выросший желтый тал
Не желтеющим если бы он был!
Любимые, хорошие мы сами
Если бы нетоскующими были!

Тексты 130—131

(Род Шор, верховье р. Кондомы)

Текст 132

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Тексты 133—134

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Текст 135

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Текст 136

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

quzajlar — члены рода Кызай (или Кызыл кая), расселенного в основном в районе впадения в р. Мрассу рр. Пызас и Кобырсу.

Текст 137

(Низовье р. Мрассу, ул. Чувапна)

Текст 138

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Второй вариант, записанный у рода Челей, ул. Сыркаш, верховье р. Томи:
kökke ösken kök çaçik közönek alyñça össe-če, men kölengen quzçağaş qol-
ğayında połza-če!

Тексты 139—144

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

kessen || kesçen.

Текст 145

(Род Челей, ул. Корай, верховье р. Томи)

kizi || kiži; чередование z || ž, s || š отмечается в говоре шорцев верховья р. Томи.

Текст 146

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Текст 147

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

Текст 148

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

Текст 149

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь, вариант к № 148)

Текст 150

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 151

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

Другой вариант:

synça ösken qarağajdyñ,
syn ožara çylyts ösça,
çoqtan tuğan palardyñ,
çer ebəre arğyş ösça.

Текст 152

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 153

(Род Шор, Березовая грива)

Текст 154

(Низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

Тексты 155—156

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Вариант: qyşqy künde şaşik ösres — в зимний день цветок не зацветет.

Текст 157

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Отдельные новые песни или варианты были напечатаны в местной газете и различных учебниках.

Тесная и глубокая связь между народными массами и вышедшими из их недр поэтами и певцами обусловила то, что сплошь и рядом бывает трудно провести грань между творчеством народа и отдельных его певцов, являющихся подлинными выразителями его дум и чувств. Создаваемые поэтами новые песни быстро входят в песенный репертуар народа и получают широкое распространение; с другой стороны, народные мотивы, все время обогащая индивидуальное творчество поэтов, придают ему характер коллективного общенародного творчества. «Народное творчество — это сама жизнь, это умонастроения и чувства миллионов людей. Народные поэты, сказители, музыканты слагают стихи, песни, рассказы, частушки. Их творческие работы идут в глубину народных масс, обогащаясь и видоизменяясь, приобретая черты коллективного авторства, становясь выражением народных дум и чувств» («Правда», 9 сент. 1937 г. № 249).

ТРАНСКРИПЦИЯ

- а — широкий, открытый гласный заднего ряда, соответствующий нормальному ударенному а русского языка.
- ä — несколько редуцированный гласный, склоняющийся к у.
- ä — слегка палатализованный а.
- е — передний гласный, средний по степени открытости — в I слоге; в ударенных непервых слогах более открытый (ε).
- ё — гласный более узкий (закрытый), чем е, средний между е и і.
- о — среднеоткрытый лабиализованный гласный заднего ряда.
- ö — лабиализованный гласный переднего ряда средней степени закрытости.
- о — гласный, средний между и и о
- ö — гласный, средний между ö и ü.
- у — узкий закрытый не лабиализованный гласный заднего ряда.
- і — узкий закрытый не лабиализованный гласный, задний в переднем ряду.
- і — узкий закрытый не лабиализованный гласный, передний в переднем ряду.
- и — лабиализованный узкий закрытый гласный заднего ряда, более задний, чем русское у.
- ü — лабиализованный узкий гласный переднего ряда.
- э — редуцированный гласный.
- ј — неслоговое і (в конце слов).
- ј — боковой альвеолярный проточный задний.
- л — боковой альвеолярный проточный передний.
- г — переднеязычный альвеолярный дрожащий проточный.
- п — заднеязычный носовой.
- ң — заднеязычный носовой смычный.
- т — губогубной носовой звонкий смычный.
- р — губогубной сильный смычный (глухой).
- в — губогубной слабый звонкий.
- в — губогубной слабый глухой.
- β — губогубной с неполной смычкой (вариант в).

- t — сильный переднеязычный смычный (глухой).
d — слабый переднеязычный смычный (звонкий).
ḑ — слабый глухой переднеязычный смычный.
s — глухой переднеязычный проточный.
z — переднеязычный звонкий проточный.
š — переднеязычный глухой шипящий альвеолярный проточный.
ž — переднеязычный звонкий шипящий альвеолярный проточный.
q — велярно-заднеязычный сильный смычный.
k — заднеязычный сильный смычный, менее задний, чем q.
g — заднеязычный звонкий слабый смычный.
ḡ — полуглухой (media lenis) смычный.
ɢ — велярно-заднеязычный слабый звонкий смычный.
ḡ — полуглухой вариант ɢ.
ɣ — велярно-заднеязычный звонкий проточный.
ḡ — полуглухой вариант ɣ.
g — заднеязычный звонкий проточный, менее задний, чем ḡ.
ḡ — заднеязычный проточный звонкий, несколько более задний, чем ḡ.

Знаком — над буквой передается долгота гласного.

Знаком ˘ над буквой передается краткость гласного.

Знаком ˙ под буквой передается оглушение согласного.

Знаком ˙ под буквой передается озвончение согласного.

В некоторых текстах (напр. №№ 9, 14), в целях упрощения записи —
знаком ɣ обозначается как ɣ, так и ɢ, знаком ḡ обозначается как g,
так и ḡ.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует	По чьей вине
XV	10 св.	Хакассии	Хакасии	Автора
XVI	11 св.	Андрианов	Адрианов	»
XXXVIII	4 св.	čyŋʁan	čyŋʁan	»
10	14 св.	pr	por	»
17	15 св.	твоего ребенка ты убережь	своего ребенка убережь	»
18	4 св.	rojlaruɲan,	rojlaruɲan,	»
19	21 св.	них	вас самих	»
22	18 св.	rojlaruɲan,	rojlaruɲan,	»
40	7 св.	uɲnaɣan šenin,	uɲnaɣan roʎzan, uɲnaɣan šenin,	»
62	15 св.	sēn,	ān,	»
94	10 св.	čaqam	čaqum	»
96	11 св.	ustalbaŋyġ,	ustalbaŋyġ, čer	»
116	15 св.	toŋyudn	toŋqudn	»
130	2 св.	ičezin	ičezine	»
144	2 св.	taryaja	tarbaja	»
188	16 св.	kümüş	kümüş čügen paś čazaŋtyr, aŋtyn-kümüş	»
196	16 св.	sr	sār	»
276	1 св.	čatsyn	čatsan,	»
288	10 св.	pažyn	aɣaš pažyn	»
364	16 св.	men, čabaŋdym	mēn, čabaŋdyn,	»
383	6 св.	Очазыг	чазыг	»
385	22 св.	поп	nm	»
385	5 св.	умещались	умещались; qarbašqamny ~ qar- bašqanymny.	»
386	10 св.	264	264, также: Вербицкий В. И., Словарь, 282 сагыл (аб) изда- вать лучи .	»
390	18 св.	qyryšpān	qyryšpān	»
392	15 св.	aɲnyqtan,ä	aɲnyqtan,	»
398	5 св.	ajtčajtqan	ajtčatqan ~ ajtcytqan	»
417	23 св.	назв. соч.	Горный Алтай и его население, т. 1, вып. 2,	»
427	21 св.	čonnyŋ	čonnan.	»